Гвардеец

Автор:
Николай Романов

Гвардеец

Николай Романов

Избранник #1

«Избранник», новый цикл Николая Романова, рассказывает о человеке, который призван судьбой изменить Галактика, поделенную когда-то между выходцами со Старой Земли.

Но в романе «Гвардеец» он еще ничего не знает о своем предназначении и пока только учится любить и убивать.

Николай Романов

ГВАРДЕЕЦ

Когда незнающий избранник

Свой путь во мгле пустой найдет,

Дотоле незабвенный странник

В страну забвения уйдет.

О. Приданников

Гвардеец дает присягу на верность Отчизне.

Он остается верен данной присяге до конца.

Из морального кодекса РОСОГБАК

Пролог

– Какое сегодня удивительное небо! – сказала мама. – Жалко, папа не смог с нами выбраться!

Миркин оторвал взгляд от песчаной дорожки, по которой они двигались (в песке оставались круглые ямки – следы маминых каблуков), поднял голову и посмотрел – сначала на маму, а потом еще выше. Ничего удивительного там не было. Голубое и белое, небо и облака, и точки летящих куда-то птиц…

А мама продолжала говорить: о том, что когда папа вернется вечером со службы, они пойдут купаться на речку Широкую; о том, что всего через два года Миркин пойдет в школу и как хорошо, что у соседа, старшего лейтенанта Спиридонова дяди Толи, Женечка, дочка – Миркинова ровесница, и раз их будет двое, первоклашек, то школьному глайдеру поневоле придется залетать на нашу улицу; о том, что завтра суббота и не папина очередь нести по графику боевое дежурство и можно будет слетать в город Сосновоборск в детский парк культуры и отдыха…

Миркин вспомнил, что еще совсем недавно он иначе представлял себе, как именно папа несет по графику боевое дежурство. График был очень похож на замощенный плиткой уличный тротуар, а боевое дежурство – на черный чемоданчик, с которым папа ходил на службу, и нес он это боевое дежурство в вытянутой правой руке, печатая строевой шаг, а когда надо было поздороваться с кем-то из встречных друзей, то перекладывал в левую…

Теперь, правда, Миркин знал, что боевое дежурство – вовсе не чемоданчик, и несут его не в руке. Нести боевое дежурство означает сидеть наготове возле огромных пушек, которые защищают всю планету от врага, чтобы успеть в него

выстрелить, потому что если не сидеть возле них, то надо будет к ним бежать, а пока бежишь, враг может сделать свое черное дело. Он очень быстрый и коварный, враг этот… Потому офицеры и солдаты и сидят на боевом дежурстве. Как на диване в гостиной… А называются они сложным словом артиллеристы!

– Там, помимо карусели, есть качели и разные другие аттракционы, – сказала мама. – Мы покачаемся, покатаемся, постреляем в тире. Помнишь, как в прошлый раз катались на карусели?

Миркин помнил. Такое трудно забыть. Как про боевое дежурство… Под ним была настоящая лошадь – правда, не живая, – и мимо проносились и мама, и папа, и другие люди, и их дети, боящиеся сесть на каруселю. А когда катание закончилось, и он спустился на землю, папа улыбнулся и сказал: «У тебя хороший вестибулярный аппарат, Миркин»…

– У меня холосый вестибулялный аппалат, плавда, мама? – проговорил Миркин.

– Да, – мама погладила его по голове. – У тебя очень хороший вестибулярный аппарат.

Миркин снова посмотрел на нее. Мама у него была красивая, не то что тетя Валя Спиридонова, про которую сам дядя Толя, пьяный, как-то сказал: «Мой любимый крокодил»… Хотя на крокодила тетя Валя совсем была не похожа – она была не зеленая, у нее были человеческие зубы и не было хвоста…

– А что такое вестибулялный аппалат, мама?

– Это… – Мама подняла правую руку, пошевелила пальцами. Будто на карусели лошадка ножками. – Это у человека есть такое свойство… – Она опять пошевелила пальцами-ножками.

И тут за спиной завыла сирена. Мама резко остановилась и повернулась в сторону городка. Сирена продолжала выть, голос ее становился все громче и пронзительнее. Миркину сделалось страшно, и он схватился за мамину юбку.

– Внимание! – сказал кто-то. – Внимание, боевая тревога!

Миркин не сразу сообразил, что это проснулся браслет на маминой левой руке. Когда придет время идти в школу, такая штучка появится и у него, Миркина…

– Личному составу прибыть на места согласно боевого расписания, – продолжал браслет. – Населению военного городка – немедленно в укрытия!

Мама схватила Миркина на руки.

– Дьявольщина! – крикнула она. – Слишком далеко бежать! Неужели проспали, сволочи?

Покрутившись на месте, она все-таки побежала, а Миркин, подпрыгивая у нее на руках, снова смотрел в небо.

Небо было все то же – голубое с белым, и по нему летали точки-птицы, – но Миркину казалось, что там, в голубой глубине, за белыми облаками, что-то есть, там скрывается коварный враг, которого Миркин представлял себе в виде плохого дядьки, безусого, нестриженого и в нательном белье, потому что дядька, одетый в мундир или китель, никак не мог быть плохим. Тем более если у него усы, как у папы или дяди Толи Спиридонова…

Вдали что-то грозно и громко загудело, и это гудение заставило маму ускорить шаги. Теперь они бежали не по дорожке, а прямо по траве. Шея у мамы стала мокрая-мокрая, а платье – сырое, и Миркин понял, что ей тяжело, и хотел уже сказать: «Мама, давай я сам побегу» – но тут гудение оборвалось, и что-то тяжело-тяжело ухнуло, и земля содрогнулась под ними, и мама споткнулась, каким-то образом умудрившись упасть так, что Миркину ничуть не было больно. Хотя, ему и не могло быть больно, потому что под ним была мамина грудь, а она никогда не делала больно. Потом мама сняла его с себя, положила на землю рядом и легла сверху, но так, чтобы не придавить.

И снова ухнуло, и снова содрогнулась земля.

И так несколько раз. Миркин умел считать до пяти, но ухало больше.

Потом все затихло.

– Ты лежи, – сказала мама, освобождая Миркина. – Хоть ударная волна и мимо идет, но лучше лежать.

И он послушался, только перевернулся на спину.

В небе сверкали серебряные звездочки, они были красивые, и звездочек было так много, что их бы не пересчитал и папа…

– Класивые, – сказал Миркин.

– Что? – ответила мама не своим голосом. Она сидела рядом с Миркиным и смотрела на браслет.

– Звездочки класивые. В небе.

Мама подняла голову. Лицо ее стало грустным-грустным.

– Это защитное поле врага. Боже, как близко…

– И папина пушка не может попасть в него?

– Да!.. Черт, что же делать?

– А ты позвони папе, – посоветовал Миркин.

– Не могу. Боевая тревога. Доступ со штатских говорильников к военным заблокирован. Что же делать?

Снова тяжело ухнуло, так что содрогнулась земля, и опять в небе засверкали серебряные звездочки.

– Надо бежать домой, – сказала мама. – Туфли прочь! Вставай, Остромир! Тут мы больше все равно ничего не вылежим.

Мама поднялась на ноги, скинула туфли, отряхнула платье и протянула к Миркину руку, но тут на месте звездочек зажегся яркий огонь, и устремился к

Миркину, и он зажмурился. А потом бабахнуло, и земля содрогнулась так, что мама упала прямо на Миркина, больно прижав его к траве.

– Лежи, не шевелись!

– Ты же меня задавишь, – пропыхтел Миркин.

– Не задавлю.

И снова бабахнуло. И опять, и опять, и вот уже над Миркиным и мамой пронесся порыв горячего ветра…

– Остронаведенным бьют, – сказала мама, таким голосом, что Миркину захотелось заплакать. – Не по площадям…

И Миркин заплакал.

Потом он помнил только отдельные картины.

Мама бежит куда-то, держа его на руках… Снова бабахает, и проносится над их головами горячий ветер… И Миркин понимает, что на карусели завтра они уже не покатаются… Уже давно бабахать перестало, но они продолжают бежать… «Мы домой?» – спрашивает Миркин… «Нет, – говорит мама. – Там теперь опасно»… Вот мама снова несет его на руках, и снова они падают, и опять Миркину не больно… «Черт, нога! – кричит мама не своим голосом, и Миркин вдруг вспоминает, что говорить таким голосом называется „стонать“… Мама ковыляет, держась за палку, а Миркин идет рядом с нею, и ему хочется только одного – лечь и заснуть, потому что вокруг уже темнеет… Они спят, и Миркин просыпается и слышит, что мама стонет… Он снова просыпается, теперь уже вместе с мамой, потому что откуда-то доносится свист… Вокруг светло.

– Черт, – стонет мама. – Глайдер.

– Это папа нас нашел, – говорит Миркин.

– Нет, это не папа. Это враги.

– Тогда давай сплячемся. Папа говолил, когда влаги надо замас… замасликоваться.

– Бесполезно, – стонет мама. – У них есть сканеры… Ладно, другого выхода уже нет. Сейчас замаскируемся!

Она достает из сумочки маленькую серебристую штучку, ковыляет к большому толстому дереву и кладет штучку на траву возле него.

– Иди сюда, – стонет мама.

Миркин подбегает к ней.

– Встань рядом с этой коробочкой.

Миркин послушно делает то, что она говорит.

Мама наклоняется к нему и целует.

– Прости меня, Остромир! Это все, что я могу для тебя сделать. – Она наклоняется и касается пальцем коробочки. – Прости! И прощай! – Она ковыляет прочь.

Миркин не понимает, почему она прощается с ним, и хочет кинуться следом, но что-то невидимое отталкивает его, и ему остается только кричать: «Мама, подожди!» Но она не оборачивается, она ковыляет прочь, босая, опираясь на поднятую с земли ветку. А потом сверху падает тень, и прямо перед мамой на землю опускается глайдер. Из него выскакивают люди, держа в руках оружие. Миркин знает, что это оружие, которое папа и его друзья называют гасильником. У людей на лице маски, как на новогоднем маскараде, и люди эти плохие, потому что они наставляют гасильники на маму.

– Эй, вы! – кричит Миркин. – Сколо плилетит мой папа и убьет вас!

Но они не слышат. Они берут маму в кольцо.

– А вот и госпожа Приданникова, собственной персоной!

– Вы ошиблись, господа, – говорит мама спокойным голосом, но Миркин чувствует, как ей сейчас больно. Просто она не хочет, чтобы эти люди знали об ее боли.

– Нет, мадамочка, мы не ошиблись. – К маме подходит дядька без гасильника, в руках его какой-то приборчик, похожий на артиллерийский тестер-наводчик, который Миркину показывал папа. – Сканер совершенно определенно говорит, что это вы. Его не проведешь… А где щенок?

– Я тут одна.

– Неправда! – Дядька размахивается и бьет маму по лицу.

Мама падает на землю.

– Сколо плилетит мой папа и убьет вас! – кричит Миркин, но его не слышат.

– Сканер с корабля показывал, что здесь было два человека, и не говорите мне, что с вами тут находился любовник.

– У меня нет любовника, – говорит мама, поднимаясь, – я офицерская жена.

– Вы теперь офицерская вдова, сударыня. Останки господина Приданникова, те, что не сгорели, вплавлены в развалины укрепленной огневой точки.

– Все равно, – мама выпрямляется, и теперь становится видно, как ей больно. Ее надо не расспрашивать, а немедленно везти в лазарет, к врачу.

Хотя, это ведь называется иначе. Враги не расспрашивают – враги допрашивают. Так говорит папа.

– Все равно я одна.

– Она наверняка спрятала его в бокс-обезьянник, – говорит второй дядька. – Наш сканер его не распознаёт.

– Мадамочка, вы знаете, что такое пытки? Я вот сейчас возьму гасильник и поджарю вашу левую ручку. И станет она, такая красивая, обугленной культей.

– Бесполезно, – говорит мама. – Я вырублюсь от болевого шока, и вы ничего не узнаете.

Подходит третий дядька:

– Срочное сообщение от первого. Немедленная эвакуация, нас уже ждут. В системе Сверкающей только что нарисовался росский корабль, большой крейсер. А с ним транспорт с «росомахами».

Главный дядька смотрит на маму:

– Ну и черт с тобой! Все равно ублюдок сдохнет, запертый в обезьяннике. Выпустить его будет некому, потому что ты полетишь с нами.

– Не полечу, – говорит мама. – Здесь мой муж, здесь мой сын. И я останусь здесь.

– Полетишь, бл…дища! Еще как полетишь! – Дядька вытаскивает из кобуры на поясе странного вида пистолет, совсем не похожий на тот, что носит папа.

Миркин вдруг понимает, что сейчас произойдет, и снова начинает кричать.

Его никто не слышит. Из дула дядькиного пистолета вылетает молния, и мама, странно выгнув спину, валится на траву. Голые грязные пятки неподвижны…

Миркин заходится в крике.

А когда замолкает, мамино тело грузят в люк глайдера.

– Хоть что-то заработаем, – говорит главный дядька. – Эх, было бы хоть немного времени… Прочесали бы окрестности. На обезьянник можно наткнуться ощупью.

– Времени – только ноги унести. «Росомахи» же наверняка за ними идут. Лучше уж без денег остаться, чем без головы. Все равно щенок сдохнет.

– Да, но без трупа нам не заплатят ничего, только за нее… Впрочем, ты прав. Грузимся!

Дядьки бегут к люку, а потом глайдер взлетает, накрыв поляну своей тенью. Тень тут же исчезает, но на Миркина падает темнота, и он даже не успевает понять, что это мрак беспамятства.

Часть первая.

«СУВОРОВСКАЯ КУПЕЛЬ»

Глава первая

Девушка вошла, едва отбили вторые склянки к приему пищи. Она была очень и очень миленькая.

Не красавица, конечно, как принцесса Яна, единственная дочь Великого князя Владимира, но очень даже вполне себе: вьющиеся каштановые волосы, густые брови – наверняка не обошлось без биокосметических средств, – чуть раскосые глаза, выдающие даже сквозь десятки поколений, что в роду не обошлось без малой толики азиатской крови; острый подбородок, с маленькой ямочкой; изящный носик; узкая талия; высокая грудь, к которой так и липли мужские взгляды… Да, весьма миленькая девчоночка. И определенно не старше Осетра, ну разве на год-два. К тому же, когда он глянул на нее во второй раз, появилось ощущение, что где-то он ее уже видел…

Почему она выбрала именно его столик, Осетр понятия не имел – в кают-компании, когда девушка вошла, было полным-полно свободных мест. «Дорадо» же не военный корабль, где весь свободный от вахты экипаж «приступает к приему пищи» секунда в секунду и в одном помещении… Впрочем, нет, имел Осетр понятие, еще как имел – широкие плечи, затянутые в иссиня-черный форменный китель «росомах», даже без звездочек на погонах, производят на женщин сексуально-притягательное впечатление. Об этом десятки фильмов

сняты и далеко не все они врут!

На незнакомке было голубое обтягивающее платье, открывающее до середины бедра стройные ножки, и перед Осетром тут же промелькнули несколько весьма смелых картинок, в которых эти ножки были оголены несколько больше, но прежде девушки к столу подошла мегера лет сорока, одарившая смельчака таким взглядом, что картинки тут же попрятались в окопчик полного роста.

Мегера была совсем не похожа на девушку: толстая клуша, рыжеволосая, с круглым лицом, на котором выделялся нос картошкой.

– У вас свободно? – спросила девушка. Голос у нее оказался глубокий и звучный, скорее он подошел бы, на взгляд Осетра, мегере, если бы той мог подойти хоть какой-нибудь голос женских тембров.

– Да, конечно! – Осетр встал и дернул вниз-вверх головой в уставном приветствии, предназначаемом штатским. – Разрешите представиться, кадет Остромир Приданников. Следую на Дивноморье в краткосрочный отпуск по окончании учебы.

– Яна! – Девушка сделала книксен, и Осетр сразу понял, что она не из простонародья. – А это, – Яна сделала изящное движение рукой в сторону мегеры, – няня Аня. Мы тоже летим отдыхать на Дивноморье. На Ривьеру… Вы не будете против, если мы присядем тут с вами?

Будет ли он против? Ну и вопрос!

– Разумеется, разумеется… – Осетр попытался вспомнить, дозволяют ли правила хорошего тона помочь незнакомой женщине сесть, отодвинув для нее стул, но пока он копался в кладовых своей памяти, стряхивая пыль с подходящих моменту знаний, девушка уже угнездилась за столом самостоятельно.

Мегера немедленно последовала ее примеру, и, как ни удивительно, ее движения оказались не менее ловкими. Но вот изящными он бы их не назвал.

– Очень приятно! – запоздало сказал Осетр.

Девушка прыснула в кулачок, и мегера посмотрела на нее с плохо скрытым неудовольствием.

– У вас имя как у дочери Великого князя Владимира. – Осетр не нашел другого начала разговора и почувствовал себя кретин кретином. – Как у принцессы Яны.

Девушка снова прыснула:

– Ну я-то до принцессы не доросла… Интересный витраж! – Она смотрела на огромную картину, украшавшую стену кают-компании, прямо напротив входа. – Почему на нем изображена золотая рыбка?

– Дорадо – латинское название созвездия Золотая Рыба, – пояснил Осетр. – Наверное, у экипажа нашего судна это – нечто вроде тотемного знака.

– Смешно, – сказала девушка, но смеяться на сей раз не стала. – А вам дозволяется рассказывать незнакомым людям, куда именно вы следуете?

Рыжая мегера снова посмотрела на подопечную с откровенным неудовольствием, но промолчала.

– Если в отпуск, то дозволяется, – сказал Осетр. – К тому же, вполне может статься, что, с целью неукоснительного соблюдения режима секретности, я ввел вас в заблуждение. – Он подмигнул, и Яна снова засмеялась.

– Душа моя, – подала наконец голос мегера Аня, – ты же в обществе находишься. Девушке твоего уровня не пристало вести себя словно какой-то официантке.

Голос у рыжей оказался на удивление звонким.

Осетру пришло в голову, что этим дамам стоило бы поменяться тембрами. От такой перемены они бы только выиграли: Яне прибавилось бы прелести, а мегере – внушительности.

– Ай брось, няня! Мы же, в конце концов, не на великосветском приеме! Правда? – Девушка повернулась к Осетру, в глазах ее плясали чертики. Они были настолько заразительны, что и Осетр позволил себе некоторую вольность.

– А вы не замечали, какие у вас с няней интересные имена?

– И чем же они интересны? – спросила девушка с простодушным видом.

– Они – перевертыши… – Осетр четырежды рубанул указательным пальцем воздух, обозначая ритм: – А-ня!.. Я-на!..

Девушка снова рассмеялась:

– Это называется «палиндром»… Но на самом деле я – Татьяна. Просто папа меня с самого детства прозвал Яной… А за что вам дали отпуск, если не секрет?

Осетр немедленно задрал нос:

– За успехи в учебе и боевой подготовке. Все выпускные экзамены и зачеты на отлично сдал.

– И «суворовскую купель»?

– Нет, она мне еще предстоит – после возвращения из отпуска. А откуда вам известно о «суворовской купели»?

– А у меня папа школу «росомах» заканчивал. Он и рассказывал.

Осетр подумал, что болтушка немедленно примется расписывать незабвенные подвиги папиной молодости, но тут Яна поймала взгляд мегеры и немедленно прикусила язычок.

К столу подошел лощеный официант, сияющий приветливой улыбкой, принес меню, отпечатанные на бежевом папире. Выглядели меню весьма внушительно. Как и все вокруг.

Нет, Осетру на «Дорадо» все больше и больше нравилось. С транспортом, по крайней мере, повезло, а дальше видно будет…

Транссистемник отвалил от центрального орбитального вокзала Нового Санкт-Петербурга всего два часа назад. А уже через четыре, убравшись подальше от оживленных окрестностей звезды, носящей по Общему галактическому каталогу номер 335748 (среди обычных людей более известной под именем Чудотворная; а в просторечье и вовсе Чудо), туда, где начало прыжка не сорвет с околозвездной орбиты ничего крупнее мелкого астероида, должен был, как раньше говорили, лечь на курс к Дивноморью. Правда, на пути к модному в пределах всей страны курорту транссистемник должен был заскочить в какую-то дыру (Осетр даже не запомнил названия тамошней звезды, да оно его не очень-то и занимало), но крюк, как следовало из объяснений агента турфирмы, был небольшой, а в дыры тоже иногда требуется залетать – во-первых, и там люди живут. А во-вторых, технология нынешних космических путешествий такова, что иной крюк короче прямой траектории.

– После обеда обещали показать новый фильм, – сказала Яна, быстро просматривая меню. – Вы не собираетесь на него?

– Душа моя, – вновь подала голос мегера Аня, – мне кажется, вы надоедаете офицеру.

Наверное, ее беспокоило, что чересчур оживленный разговор воспитанницы с молодым человеком может скомпрометировать подопечную…

Дура рыжая! Как будто разговоры за обеденным столом могут скомпрометировать того, кто летит на модный курорт! Да ведь там люди друг перед другом в купальных костюмах гоголем ходят!

«Офицер» принялся в свою очередь знакомиться с меню, бросая исподтишка короткие взгляды на девушку. Та перелистывала странички легко и непринужденно, было видно, что ей не раз доводилось общаться с официантами. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что Осетр в такой ситуации едва ли не впервые? В школьной столовой официанты те же, что и дневальные в казарме. То есть ты сам и твои школьные товарищи, по очереди, как положено, сегодня ты в наряде, завтра – Беляй Капустин…

– Хочу блинов с икрой и сливочным маслом, – сказала Яна. – Почему в меню нет блинов?

Лоб девушки пересекла капризная морщинка.

Няня Аня растерянно посмотрела на официанта, но лощеный лишь развел руками.

– Душа моя, я же тебе говорила еще дома, что на этом корабле кавказская кухня. Давай возьмем лобио. И не морщись так, я тебя умоляю!

– Я не хочу фасоли. – Голос Яны прозвучал еще более капризно. – Я хочу блинов с икрой и маслом.

На Осетра вдруг накатило раздражение.

Все они такие, эти маменькино-папенькины детки. Коли в голову что вошло, разбейся, но выполни. Пусть даже для этого надо заказать сверхскоростной курьер, который только и способен догнать транссистемник на маршруте! И совсем не важно, что сверхскоростные курьеры перевозят лишь почту государя-императора, которую не доверишь хи-волнам, распространяющимся в гиперпространстве!.. Вынь да положь! Да, вот уж достанется кому-то женушка!

– А я бы, пожалуй, съел лобио, – сказал он, не столько потому что действительно испытывал священный кулинарный трепет перед фасолью и блюдами из нее, сколько решив пойти наперекор этой смазливой пустышке.

– Вот видишь, душа моя, – сказала няня Аня. – Офицер не станет кушать невкусное. Давай, и мы возьмем лобио.

Вот ей-то точно надо было есть не блины, а овощи. Глядишь, весу сбавится… И вообще, сейчас начнется: ложечку – за папу, ложечку – за маму, ложечку – за соседа-офицера…

Девушка испытывающе посмотрела на няню – будто пыталась понять, в чем ее хотят обмануть, – потом перевела взгляд на Осетра. И вдруг снова улыбнулась:

– Ладно, давайте ваше лобио.

От этой улыбки все раздражение с души «офицера» словно ветром сдуло. И в самом деле, чего это ему в голову взбрело! Не такая уж она и капризуля!.. И не пустышка совсем! И вообще «росомахи» не раздражаются, даже на врага! Тем более – на симпатичных женщин! Мы – гвардейцы, и этим все сказано!

К лобио дамы заказали лепешки-лаваши и кувшинчик, наполненный розового цвета жидкостью – шербетом, как тут же выяснилось. А Осетр попросил обыкновенного ржаного хлеба и, в придачу, блюдо под названием «долма», потому что понятия не имел, что это за штука – в школьной столовой такое не готовили. Сейчас его могла остановить только цена, но ту, что стояла в меню, отпускные, выданные школьным казначеем, вполне могли выдержать. Правда, сделав заказ, он тут же подумал, что погорячился, что не стоило бы производить эксперименты над собственным желудком, но поворачивать оглобли назад было уже поздно. Зачем демонстрировать Яне свое незнание? В конце концов, вряд ли ему принесут что-либо совсем уж несъедобное. Не во Фрагербритском Союзе находимся, где, как известно, кушают лягушек.

Долма и в самом деле оказалась вполне съедобной. И даже вкусной. Она отдаленно напоминала голубцы, вот только завернут был фарш вовсе не в капустные листья. Спросить, что это за растение, Осетр постеснялся. Позже справимся через информаторий…

Яна уписывала лобио так, что за ушами трещало. О блинах она, похоже, давно и думать забыла.

– Вы мне так и не ответили, – сказала она, покончив с обедом, – пойдете фильм смотреть?

– А что нам покажут?

– «Брань и свет». Знаете?

Осетр кивнул.

В «Брани» рассказывалось о гипотетической войне, начавшейся с вероломного нападения Фрагербритского Союза на родную Империю и направленной на аннексию центрального куска Третьего галактического рукава с парой сотен обитаемых миров. Описание битв между армадами рейдеров императора

Наполеона XXV и росскими линкорами захватывало читательское внимание в цепкие лапы безудержного интереса, а если учесть, что в «Брани» была еще и прекрасно выписанная любовная линия между звездным пехотинцем Никитой Болконским и «графинечкой» Людмилой Ростовой, то роман имел обширный успех не только у мужской части Росской Империи. И неудивительно, что киношники пожелали создать собственную версию модного произведения современной литературы.

В школе «Брань и свет» показали в первую же неделю после премьеры, но Осетр был не прочь посмотреть картину еще раз. Тем более что Людмилин брат Андрей Ростов, героически отдавший жизнь за освобождение звездной системы ОГК 336564, был «росомахой»…

– Душа моя, я полагаю, что офицер вряд ли склонен смотреть такие глупости. – Мегера вновь поедала Яну недовольным взглядом.

– Отчего же? С удовольствием бы посмотрел!

– Вот! – Похоже было, что Яна с трудом удержалась от того, чтобы не показать няне язык. – Так присоединяйтесь к нам, Остромир…

«А почему бы и нет? – подумал Осетр. – Почему бы и не провести отпуск в компании молодой симпатичной девушки. Тем более что, находясь рядом с няней, она никак не будет скомпрометирована присутствием будущего „росомахи“. Даже если мы будем ходить гоголем друг перед другом. В купальных костюмах….»

– С удовольствием присоединюсь!

Глава вторая

Когда закончились титры и видеопласт дематериализовался, Яна сказала:

– Вот ведь как странно! Почему кинокартина чаще всего оказывается хуже романа-первоисточника? Разве это герои? Сплошные штампы! Если Людмила, то

обязательно секс-бомба, а «росомаха» – непременно медведь с квадратными плечами.

На лице девушки было нарисовано откровенное желание поспорить.

Осетр пожал плечами – у него не было своего мнения, потому что он никогда не задумывался над этим вопросом. Жизнь «росомахи»-кадета занята несколько другими проблемами, среди которых чтение романов и просмотр кинокартин занимают далеко не первое место. Тем не менее желание Яны оказалось небезответным – няня Аня считала, что «Брань и свет» в киношном исполнении ничуть не хуже литературного оригинала, и по этому поводу у мегеры произошла короткая словесная перепалка с воспитанницей, завершившаяся, впрочем, вничью, как всегда и происходит в подобных спорах.

На спорщиц оглядывались – они покидали демонстрационный зал в толпе, потому что среди пассажиров «Дорадо» оказалось немалое количество желающих насладиться «Бранью». Все это общество явно состояло из богатых людей, что и не удивительно, ибо на модные курорты Дивноморья какой-нибудь наладчик роботов-садовников, с его доходами, не выберется никогда. И вообще никогда не покинет пределы родного мира, если только на его планетку не нападет вооруженный до последней палубы капер, промышляющий продажей пленных, захваченных в пиратском рейде. Подпольные рабовладельческие рынки, расположенные в приграничных секторах галактических государств, могли поглотить немалое количество несчастных…

Судя по всему чужие взгляды и стали той струей воды, что погасила разгорающийся спор – все-таки Яна была не совсем безголовой девицей, чтобы долго привлекать к себе такое людское внимание.

Сразу после обеда Осетр ощущал в разговоре с нею некоторое неудобство, поскольку не привык к праздным разговорам с молодыми девицами, но постепенно освоился и по ходу фильма то и дело шепотом успокаивал соседку, когда ее пугало происходящее на видеопласте. Мегера, правда, собралась поначалу сесть между молодыми людьми, но Яна и слушать ее не стала. Рыжая была схвачена, скручена и усажена между подопечной и неким толстяком, от которого густо пахло одеколоном.

Впрочем, все это происходило больше двух часов назад, а теперь того толстяка и след простыл, и даже аромат улетучился. Наверное, фильм ему не понравился, и он ушел во время сеанса. Надо полагать, окажись рядом с ним Яна, он бы досидел до конца…

Вытекающая из зала толпа вынесла Осетра и его дам в длинный коридор, в который открывались люки всех помещений на этой палубе. Молодой человек, ломающий голову над вопросом, удобно ли будет пригласить Яну с няней выпить что-нибудь безалкогольное, уже решил было, что очень даже удобно, однако тут по коридору разнесся стальной голос интеркома:

– Вниманию господ пассажиров! Через полчаса «Дорадо» выходит в стартовый сектор прыжка! Капитан судна просит вас разойтись по вашим каютам и следовать имеющимся в каждой каюте инструкциям. Приятного вам отдыха!

Осетр остановился.

– Хотел пригласить вас в бар, – сказал он виновато, – но, видать, не судьба.

– Ну почему же не судьба? – улыбнулась Яна. – После прыжка мы окажемся возле Веры. Полагаю, бары вряд ли будут закрыты.

На том и порешили. Дамы двинулись к лифтам, ведущим на палубу первого класса, а Осетр отправился палубой ниже, где делил каюту второго класса с неким типом лет сорока пяти – пятидесяти, который при знакомстве представился коммивояжером, направляющимся на Угловку, а имени его молодой человек даже и не запомнил. Тут Осетру пришла в голову мысль, что лети этот тип до Дивноморья, можно было бы попытаться свести его с мегерой – они бы как раз подошли друг другу! – и тогда Яна оказалась бы гораздо свободнее, и они бы гораздо приятнее провели время вдвоем, а не в компании с няней. Конечно, до серьезных бы отношений вряд ли дошло, но с такой девушкой и несерьезные…

Осетр мотнул головой – эти мысли принадлежали не «росомахе», а охочему до женщин богатому бездельнику.

– Вниманию господ пассажиров! – повторил интерком. – Через двадцать пять минут «Дорадо» выходит в стартовый сектор прыжка! Капитан судна просит вас

разойтись по вашим каютам и следовать имеющимся в каждой каюте инструкциям. Приятного вам отдыха!

Когда Осетр добрался до своего временного обиталища, попутчик уже находился там. А может, он и вовсе не выходил оттуда. Ведь пообедать можно и за пределами кают-компании – приплати к стоимости выбранных блюд еще десять процентов и трапезничай один, коли людей видеть не желаешь. А коммивояжер, надо полагать, в деньгах вряд ли нуждается, не та профессия…

Койка-релаксатор, отведенная соседу, была уже включена, а сам он снимал футболку, оголив довольно крепкие плечи. Видать, помимо своих коммивояжерских забот, периодически подкачивался. Впрочем, человек подобного рода занятий, скорее, колеса потребляет, чем мучает себя на тренажерах. Не та профессия…

– А вы чем торгуете? – спросил Осетр, чтобы хоть как-то начать разговор: ну не играть же с человеком, с которым довелось делить каюту, в молчанку!

– Грёзогенераторами, – коротко бросил попутчик и отправился в сан-блок.

– Простите, забыл ваше имя, – сказал ему в спину Осетр.

– Не забыли, – попутчик и ухом не повел. – Не могли вы его забыть, потому что мы с вами друг другу по имени-отчеству не представлялись. – Коммивояжер вошел в душевую, и перепонка люка хлюпнула, восстанавливаясь.

Осетр пожал плечами и повернулся к пульту, вмонтированному в изголовье койки-релаксатора. Над пультом висела инструкция, первым пунктом которой значилось: «Вы можете и не включать койку-релаксатор, потому что за десять минут до начала прыжка аппаратура включится сама». А далее следовало: «Однако если вы не займете место в койке-релаксаторе за пять минут до начала прыжка, вас ждет немедленный арест, насильственное прохождение процедуры и судебное преследование по прибытии в пункт назначения. Если же вы хотите занять место в койке-релаксаторе ранее, чем за десять минут до начала прыжка, нажмите зеленую кнопку».

Судя по тому, что у соседской койки-релаксатора пульт задорно перемигивался разноцветными огоньками, попутчик уже воспользовался последним пунктом

инструкции.

И куда дядька торопится?.. А с другой стороны, душ-то здесь один на двоих, и всякий, кто думает не только о себе, должен вести себя именно так…

– Вниманию господ пассажиров! – сказал голос в интеркоме. – Через пятнадцать минут «Дорадо» выходит в стартовый сектор прыжка! Через пять минут включатся ваши койки-релаксаторы, и вам надлежит занять место на их ложе. Не забудьте прежде принять голубую пилюлю, поскольку прыжок при ясном сознании закончится для вас умопомешательством. Нежелательные реакции вашего организма на препарат исключены, поскольку для каждого учтены его медицинские противопоказания. Голубую пилюлю можно получить, открыв голубую крышку на пульте. Там же, под крышкой находится стаканчик с разбавителем, которым нужно запить пилюлю.

Чпокнула перепонка люка – попутчик освободил душевую. Он появился в каюте розовый и благоухающий – похоже, успел еще и побриться. Мурлыча нечто малопонятное, подошел к своему релаксатору.

– Душ свободен, молодой человек.

Осетр хотел махнуть рукой и брякнуть в ответ что-нибудь легкомысленное, типа «Микробы прыжку не помешают», но потом подумал, что «росомахе» надлежит быть чистоплотнее какого-то торгаша (чистоплотнее во всех смыслах!).

– Спасибо.

– А зовут меня Сергей Петрович Костромин.

– Очень приятно. Остромир Приданников.

– Вот и познакомились. – Попутчик полез в шкафчик со своим багажом.

А Осетр отправился в душ. Стоя под расслабляющими струями, он вспомнил Яну. Наверное, она сейчас вот так же стоит под душем и… Домысливать заманчивую для любого парня картинку он не стал. Нет, все же надо будет продолжить знакомство на Дивноморье, иначе он будет последним дураком. И ребятам про

отпуск правды не расскажешь – просто засмеют… Вот только вопрос: окажутся ли они в одном пансионате? Ведь Дивноморская Ривьера насчитывает на одну сотню мест отдыха…

Когда он вышел из душа – бриться, в отличие от коммивояжера не стал, – попутчик уже устроился на ложе релаксатора, а пульт в изголовье второй койки вовсю перемигивался огоньками. Голубая крышка была открыта, и на выдвинувшемся из пульта крошечном столике стоял стакан с прозрачной жидкостью и лежала пилюля. Стакан коммивояжера уже был пуст, через мгновение он растаял в воздухе, а столик убрался в недра пульта.

Тут же интерком сообщил господам пассажирам, что до начала прыжка осталось семь минут.

– Рисковый вы человек, – сказал попутчик. – Тут при опоздании можно крупно погореть.

– «Росомахи» никогда и никуда не опаздывают, – хвастанул Осетр, приглаживая волосы.

– Ну-ну, – отозвался дядька. – Похвальная привычка. В особенности для коммивояжера, если он…

Последние два слова он произнес уже заплетающим языком, и Осетр так и не узнал, что именно «если он».

Пора было глотать пилюлю, опустошать стакан и укладываться, что он и проделал. А когда начал проваливаться в набегающую тьму, еще раз вспомнил Яну. Но подумать про будущую встречу уже не успел.

Глава третья

С мыслью о ней он проснулся. С мыслью о будущей встрече и со зверским чувством голода. Об этой стороне воздействия релаксатора на человеческий организм знали все – и те, кому случилось путешествовать по Галактике, и те,

кому пережить такое путешествие не доведется никогда.

И потому через полчаса всех пассажиров ждал плотный завтрак – даже тех, кому через два часа покидать борт «Дорадо» и высаживаться на «планету дальнейшего пребывания».

Попутчик уже встал – сквозь перепонку, прикрывающую вход в душевую, доносилась «Песенка шута» из последней экранизации «Ивана Васильевича».

По ногам бегали мурашки. Осетр потянулся, не вылезая из релаксатора, сделал упражнение «велосипед», хорошо разгоняющее кровь после сна. Оттолкнулся руками от лежака и выпрыгнул на пол. Как пантера… Нет, как «росомаха»!

Два часа полета до «дыры», пересадка на местный шаттл тех, кто в эту дыру стремился, еще два часа в обычном пространстве – и новый прыжок, на этот раз уже к Дивноморью. Скука-с, дамы и господа!

Одна радость – за завтраком он встретится с Яной, и этой радости даже мегера не сможет помешать.

Чпокнула перепонка, и в каюте появился попутчик. Как и совсем недавно (недавно ли?), он был розовощек и благоухающ. Не слишком густые волосы его были аккуратно причесаны. Вот ведь дядька! Следит за внешним видом вовсе не потому, что того требует устав внутренней службы.

– С добрым утром, молодой человек!

– Здравия желаю, Сергей Петрович! – отозвался Осетр. И отправился в душевую, к новым мыслям о Яне.

Когда он вернулся, попутчик, уже одетый в черный костюм-тройку, белую рубашку и с пижонским галстуком-бабочкой, стоял перед зеркалом. Левый карман его пиджака украшал белоснежный платочек.

Да, еще как следит дядька за своим внешним видом! Впрочем, подобным старым пердунам ничего другого и не остается. Девушки их не любят, а бабушки им самим не интересны…

– Я двигаюсь в кают-компанию, – объявил попутчик, отходя от зеркала. – Есть хочется – спасу нет.

– Послерелаксационный синдром, – попытался объяснить Осетр, но дядьки уже и след простыл.

Только чпокнула перепонка люка.

– Вниманию господ пассажиров, – объявил интерком. – Приглашаем вас на завтрак. Кают-компании откроются через десять минут.

Времени было вагон и маленькая тележка. Десять минут!.. Для того, кто едва ли не каждый день выполняет команду «Казарма, сорок пять секунд – подъем!», десять минут – это сродни вечности.

Когда Осетр подошел с дверям в кают-компанию, толпа оголодавших пассажиров только-только начала втягиваться внутрь.

Попутчик помахал Осетру рукой с дальнего края кают-компании, но молодой человек сделал вид, что не заметил приглашающего жеста.

Стол, за которым он сидел в последний раз с Яной и мегерой Аней, был еще свободен – дамы задерживались. Правда, стоило Осетру сесть, как к нему приблизился некто патлатый и небритый в куртке без застежек:

– У вас свободно?

– Простите, занято! – отрезал Осетр. – Сейчас за этот стол сядут.

Патлатый немедленно убрался. Честно говоря, Осетр сказал бы такому «Занято», даже если бы не ждал Яну с мегерой. Не любил он подобных типов. У тех, у кого не причесаны волосы и не застегнута одежда, обычно и в мыслях бардак, а ни один «росомаха» бардака не терпит. На том стояла, стоит и будет стоять любая боеспособная армия. Правда, патлатый мог оказаться каким-нибудь художником, а у них бардак в волосах вовсе не тождественен бардаку в мыслях, наоборот…

Тут в кают-компании появилась Яна, и Осетр тут же забыл о патлатых художниках.

«Яна… – прошептал он мысленно. – Яна! Яночка!»

Удивительное дело, совсем немного времени прошло с момента их расставания, а сейчас Осетру казалось, будто минуло сто лет. Ладно, пусть не календарных, а световых, и пусть не сто… а сколько там?.. но ведь минуло же!

Он встал, резко дернул головой в приветствии, отставил стул для мегеры (она взглянула на него гораздо благосклоннее, чем при знакомстве), потом для Яны.

– Вы очень любезны, офицер!

– А их, наверное, учат любезности, – сказала Яна.

Судя по тону, она была не в духе. Возможно, поспорила с нянькой, насколько приличной девушке допустимо опаздывать к завтраку после релаксационного сна. А может, ей уже наскучила компания нового знакомого. Кто их, этих великородных барышень, знает!

– «Росомах» несомненно учат этике светского общения, – сказал Осетр, поскольку не знал, с чего начать разговор. – Хотя в повседневной жизни мы подчиняемся требованиям устава.

Похоже, Яна и сама поняла, что ее резкость ничем не оправдана.

– Извините, Остромир! Не знаю, что на меня нашло…

Поскольку Осетр по-прежнему не знал, что сказать, он только учтиво кивнул головой.

– А скажите, офицер, – зато мегера сегодня была учтива, – вы откуда родом?

Наверное, ее за прошедшее с последней встречи время изрядно повоспитывали. Неужели Яна?..

– Если это не военная тайна, конечно.

– Нет, не тайна, – сказал Осетр. И зачем-то соврал: – Я родом с Белого Зимовья.

– А где это?

– В Приграничье. Рядом с Великим Мерканским Орденом. Около сотни световых лет от кордона.

– А ваши батюшка и матушка по-прежнему там живут? – спросила мегера.

– Мои родители погибли.

– Простите! – Мегера поджала губы.

Осетр ответил сдержанным кивком.

– Мой отец был военным. Служил в дивизии, защищавшей Белое Зимовье. Планетарная артиллерия. На Зимовье напали пираты. Много лет в том районе Галактики свирепствовал тип без гражданства по кличке Джон Сильвер. Меня спас десант «росомах». Пираты бежали, мою мать они увезли с собой.

– А почему вы решили, что она непременно погибла? Может, ей удалось уцелеть. Так бывает сплошь и рядом.

– За нее не попросили выкупа. Пираты обычно похищают людей, чтобы получить за них выкуп. За мою мать не попросили. Правда, у нее не было родственников… А все родственники отца жили там же, на Белом Зимовье, и тоже погибли.

– Ну вот видите, – с воодушевлением сказала мегера. – Пиратам просто не у кого было просить выкуп. А тех, кого не могут выкупить, пираты продают в рабство. Ваша матушка наверняка жива. Трудится на какого-нибудь рабовладельца.

Эх, если бы это было правдой!..

Яна лениво ковырялась вилкой в тарелке с омлетом. Ей по-прежнему было наплевать на кадета. Да и на историю его несчастной семьи, надо полагать, тоже. Почему ее должна трогать достаточно распространенная в Приграничье история?

Впрочем, когда она, отложив вилку, глянула на Осетра сочувственно и сказала: «Поверьте, мне жаль ваших родителей», оказалось, что ей вовсе и не наплевать. И Осетр был ей за это благодарен, что, слегка запинаясь от смущения, и выразил.

– «Росомахи» взяли вас к себе? – спросила мегера.

– Да. Куда им еще было меня девать? И слава богу, потому что иначе я бы, скорее всего, не выжил. Как я теперь понимаю, на Белом Зимовье после нападения жизнь налаживать было чрезвычайно трудно.

– У меня папа тоже учился в школе «росомах», – задумчиво сказала Яна, словно забыла, что уже говорила об этом вчера.

Мегера (впрочем, почему мегера? Сегодня она ни в малой степени не походила на женщину с таким характером)… няня Аня строго-предупреждающе глянула на воспитанницу, но та и сама больше ни словом не обмолвилась.

Обед продолжался тем же чередом. Няня расспрашивала Осетра о его жизни; кадет рассказывал то, что можно было рассказать (и больше не врал, просто отвечал: «Об этом я не должен говорить»); Яна в задумчивости ковырялась вилкой в тарелке.

А потом интерком объявил:

– Внимание! Господ пассажиров, следующих до Угловки, просим не задерживаться с завтраком. Стыковка с шаттлом через полчаса, отправление шаттла в десять часов по судовому времени. Посадка на шаттл с палубы Б через основной выход номер два. Стюарды проводят вас.

– Интересно, – сказала няня Аня. – Много ли преступников везет наш корабль?

– Преступников? – непонимающе уставился на нее Осетр.

И вдруг сообразил: ведь Угловку в просторечье называют Крестами. Здесь расположен центральный имперский лагерь отбывающих наказание преступников. Собственно, вся планета и представляет собой лагерь.

– Их тоже будут пересаживать на шаттл с палубы Б? – продолжала толстуха. – Не хотелось бы мне оказаться с ними рядом!

– Вряд ли, – сказал Осетр. – Думаю, за ними присылают специальный транспорт с охранниками. И высаживают с корабля через грузовую палубу. Они же лишены гражданских прав.

– А они не вырвутся? – Няня глянула на кадета с тревогой.

Осетр сдержал улыбку превосходства.

Эх, женщины, женщины!.. Ясно ведь, что даже если преступники вдруг и взбунтуются, то тут же будут изолированы в своем отсеке. А потом через вентиляцию пустят усыпляющий газ, и привет семье! Впрочем, до преступников наверняка доведены возможные меры противодействия при бунте, и смысла баламутиться им просто нет. Только срок себе набавишь! Вместо одного пожизненного станет два…

Осетр поделился этими мыслями с дамами. Мегера, пусть и не сразу, но успокоилась. А Яна, похоже, и вовсе думала о чем-то другом, поскольку никак не отреагировала.

А потом к столу подошел попутчик:

– Счастливо оставаться, молодой человек, – сказал он. – Я прилетел к месту назначения.

Он кивнул женщинам и за руку попрощался с Осетром.

«Интересно, – подумал Осетр, когда коммивояжер удалился, – как он тут продает грёзогенераторы, в этой дыре? Можно ли здесь заработать? Был бы

торговцем, никогда бы в такое место не сунулся!»

Впрочем, заключенные тоже люди, и у них имеются потребности, а значит, непременно найдутся люди, желающие на этих потребностях заработать. На этом желании весь деловой мир держится.

– Это ваш знакомый? – спросила Яна.

– Нет. Попутчик. Делим с ним каюту. Вернее, делили…

Няня Аня тут же разразилась целой речью по поводу того, какие бывают попутчики. С некоторыми любо-дорого поговорить, а из иных слова клещами не вытащишь.

Уж сама-то она к последним явно не относилась…

Осетр с удовольствием бы предпочел, чтобы она трепалась поменьше. Собрать бы из таких дамочек дивизию да и сбрасывать к врагу в качестве говорильной бомбы! Заболтают насмерть! В былые времена, когда люди говорили на разных языках, такое оружие бы не сработало.

– Слушайте, – сказала вдруг Яна. – А нельзя ли с какой-нибудь смотровой палубы понаблюдать, как отлетает от нашего корабля шаттл?

– Смотровой палубы, по-моему, на транссистемниках нет, но существует обсервационный зал, где можно полюбоваться и местным светилом, и звездами. Пойдемте после завтрака?

Долго дам уговаривать не пришлось.

Глава четвертая

Если бы Осетр сказал, что в обсервационном зале было яблоку негде упасть, он бы покривил душой. Однако кое-кто из пассажиров полюбоваться космическим

пейзажем все-таки притащился.

Расположились в удобных креслах, подняли глаза к «небу».

Веры – звезды, очень похожей на Чудотворную и, как утверждают, на материнское светило человечества, Солнце, – видно не было: она светила откуда-то из-за обреза видеопласта.

Зато приступающий к маневру стыковки с «Дорадо» шаттл был виден хорошо. Ближний борт его почему-то украшала эмблема «Галактических линий» – наверное, суда местной компании космического транспорта были заняты. Вот только чем? Вряд ли в эту дыру транссистемники забираются каждый день, а значит, вряд ли тут, кроме «Дорадо», могут находиться другие дальние суда.

И тут же мысленно хлопнул себя по лбу. Какие местные компании космического транспорта! Да их сюда по соображениям безопасности и на пушечный выстрел не подпустят! Исключительно «Имперские галактические линии», персонал которых проконтролировать гораздо проще! Нет, все верно. А то ведь суда местных компаний в прибежище беглых преступников превратятся…

Осетр пронаблюдал, как выдвинулись из корпуса «Дорадо» причальные штанги, как вытянулись навстречу шаттлу, принимая на себя его инерцию. Судно чуть вздрогнуло, и пришлось успокоить заволновавшихся вдруг дам.

– Нет, столкновения не произойдет, не волнуйтесь! Демпферы и не на такие усилия рассчитаны.

Конечно, Осетр понятия не имел, на какие именно усилия рассчитаны причальные сооружения «Дорадо», но разве есть основания сомневаться в квалификации инженеров, спроектировавших транссистемник? К тому же, он бы произнес последнюю фразу, даже если бы сомневался, – дамы, находящиеся рядом с кавалером, ничего и никогда не должны бояться. Таков порядок человеческих взаимоотношений, даже если вы находитесь на разных ступеньках социальной лестницы…

Впрочем, пребывающим рядом дамам космические пейзажи быстро наскучили. Еще не погасли колебания «Дорадо», а няня Аня уже оторвала взгляд от «неба», повернулась к воспитаннице и сказала, наморщив нос:

– Интересно, зачем Его величество повсюду таскает с собой цесаревича?

Яна тут же подхватила тему.

– А разве можно иначе? Ведь Константин – наследник, а значит, рано или поздно станет верховным главнокомандующим. Ему необходимо привыкать к жизни военного человека.

Цесаревичу Константину в нынешнем году исполнилось семнадцать лет. Однако выглядел он на все двадцать пять. По империи ходили слухи, что парень серьезно болен чуть ли не прогерией[1 - Прогерия – болезнь, при которой организм стремительно стареет.]…

Правда это или нет, было неизвестно – официальные средства массовой информации эту тему, разумеется, не обсуждали. И правильно – если слухи соответствуют действительности, зачем задевать лишний раз чувства несчастных родителей? А если неправда, опровергать слухи бессмысленно. Во-первых, на каждый чих не наздравствуешься. Во-вторых, опровержения, чаще всего, производят противоположный эффект – как говорит капитан Дьяконов, таков менталитет народа по отношению к власти. А в-третьих, император – не президент, его не выбирают, и ему вовсе не требуется нравиться электорату.

– Да, но ведь он болен. Я слышала, как в разговоре с вашей мамой княгиня… – Няня Аня осеклась, глянув на Осетра. – Скажите, офицер… А как вы считаете? Должен ли Его величество таскать цесаревича по разным мирам? Не лучше было бы заняться его лечением?

Вопрос был еще тот. Ответ, правда, на него имелся, ибо у Осетра было свое мнение. Но вот стоит ли сообщать свое мнение этой рыжей болтливой клуше?

Хотя в этой болтовне есть и положительная сторона – похоже, после релаксационного сна «офицер» стал клуше симпатичен, и она уже не опасается, что ее воспитанницу скомпрометируют. С другой стороны, дьявол их, этих нянюшек, опекающих высокородных девиц, знает! Что у них на уме?

– Цесаревич – человек государственный, – сказал Осетр. – У таких людей на первом месте интересы империи, а не собственные проблемы.

– И это правильно! – резко сказала Яна, как будто с нею кто-то спорил.

Вообще говоря, Осетр знал, что императоры в истории бывали разные. Были такие, что пеклись исключительно о благе родного народа, но бесстрастные документы сообщали и о таких, кому было наплевать на империю и народ, кого волновало только собственное веселье и благополучие. Впрочем, такие обычно правили недолго, поскольку быстро теряли поддержку ближайших подданных и оставались один на один с заговорщиками, которых в такие времена разводилось величайшее множество. В большинстве случае правитель обречен быть хорошим правителем, иначе его эпоха оказывается слишком короткой.

Лет пятьсот назад император Александр VIII пристроился вдруг в кильватер политики вершителя Реддинга. Привлекла его дианетика, с какой-то стати!.. Однако после десяти лет неуклонного преклонения перед Мерканским Орденом обнаружил император вокруг себя кучу недовольных. Слава богу, у него хватило ума отречься от престола в пользу младшего брата, и до большого кровопролития дело попросту не дошло, хотя министра иностранных дел, проводившего политику Александра, застрелили незадолго до этого во время визита на один из приграничных миров. Преступника, конечно, нашли, но большинство историков считали, что вина было свалена на стрелочника. Как бы то ни было, но Александр VIII вовремя понял, что императорская корона для него слишком тяжела. В былые века отрекшиеся императоры уходили в монастырь, Александр решил стать смотрителем музея. И стал им – в музее освоения Галактики.

А Империя пошла дальше…

Все это Осетр, разумеется, рассказывать дамам не стал.

– Цесаревич и в самом деле государственный человек, – сказал он. – Как и его величество. И все они делают правильно. На их месте я бы поступил точно так же.

– Но возить больного ребенка…

«У царей и королей нет детей, – говорил капитан Дьяконов. – У них рождаются не дети, а инструменты внешней и внутренней политики».

В этом смысле Осетр и ответил няне Ане.

Как ему казалось, та должна была фыркнуть и сказать «Ничего вы, мужчины не понимаете, у вас только война на уме!»…

Однако Яна прекратила намечавшуюся пикировку.

– Я так понимаю, – заметила она, – что до самого отлета шаттла мы больше ничего нового не увидим.

– Вы правы, – сказал Осетр. – Грузовые контейнеры сходят с орбиты и приземляются с помощью собственных двигателей. А пассажиры переходят в шаттл через стыковочный узел. Правда, здесь этот процесс займет немного времени. Вряд ли до этого медвежьего угла Вселенной летело много пассажиров.

– Разве что преступников все-таки привезли. – Яна снова посмотрела на «небо».

Во взгляде ее вдруг появилась непривычная жесткость, будто она была прокурором на судебном процессе и только что потребовала высшей меры наказания для серийного убийцы.

И Осетр вдруг подумал, что закончивший школу «росомах» Янин папа, похоже, сумел сделать из своей дочки настоящую боевую подругу офицера, бесстрашную, уверенную в себе, привыкшую к тяготам военной жизни.

Впрочем, прежде она такой Осетру не показалась. Или он все выдумывает…

– Пойдемте, – сказала боевая подруга офицера. – Если бы с нами летели преступники, мы бы непременно узнали это. Хотя бы по усиленной охране. К тому же я слышала, что преступников на планеты-тюрьмы возят не пассажирскими транссистемниками, а специальными конвойными транспортами.

Она встала из кресла и, не оглядываясь, направилась к выходу. Няня Аня переглянулась с Осетром, пожала плечами и двинулась следом за подопечной. Осетр чуть поотстал – его внимание привлекло выплывающее на видеопласт местное солнце. Впрочем, Вера оказалась самой обычной звездой – Осетр и сам

не знал, чего необычного он от нее ждал. И двинулся за дамами.

В обсервационный зал вошел высокий брюнет, широкоплечий, с уверенной поступью, к нему клеилась затянутая в черный комбинезон девица с травянисто-зелеными волосами. Эти двое видели только друг друга и не удивительно, что тут же наскочили на Яну.

– Под сторонам не мешало бы посматривать, придурочная! – недовольно сказала зеленоволосая.

Что ответила Яна, Осетр не слышал, но зеленоволосая вдруг завопила:

– Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?!

Осетр прибавил шагу.

– Не знаю и знать не хочу! – отчеканила Яна.

– Самсон! – Зеленоволосая повернулась к своему кавалеру. – Ты слышал? Меня оскорбляют.

Самсон был ростом повыше Осетра и пошире в плечах, и кадет уже начал прикидывать, как к нему лучше подобраться, если дело доберется до мордобоя. А похоже, судя по визгливому воплю зеленоволосой, до этого этапа человеческих взаимоотношений явно дойдет.

– Эй, ты… – Самсон выдал такое словечко, от которого уши завяли бы даже у сидящего на отдаленной огневой точке военного. – Ноги из задницы вырвать?

– Да какие у нее ноги?! – Зеленоволосая ткнула в сторону Яны пальцем с ярко накрашенным ногтем. – Две нитки!

Яна растерянно оглянулась – но не на Осетра, как он ожидал, а на няню Аню.

Няня шагнула вперед:

– Послушайте, молодые люди…

– А тебя, кикимора рыжая, вообще никто не спрашивает!

Осетру показалось, что няня намерена вступить уже не в словесную перепалку – что было для нее крайне травмоопасно, – и поспешил вмешаться:

– А меня спрашивают?

Иначе он не мог: гвардейцы вакуум не травят!

– А тебя… – Самсон резко повернулся к нему.

На его физиономии было явственно написано, где он видел нового собеседника, и он определенно собирался поделиться своими познаниями с окружающими… но едва взгляд его коснулся Осетрова мундира, намерения мгновенно изменились.

– Ладно, Дамира, – примирительно сказал он. – Пойдем. Мы были тоже не совсем правы.

Вот он сразу вакуум стравил…

Зеленоволосая открыла было рот, явно собираясь сменить цель словесного обстрела, но Самсон остановил ее поцелуем, и, таким образом, реноме всех сторон разгорающегося конфликта было спасено.

Осетр, проходя мимо, не удержался и подмигнул парню.

Глава пятая

Сказать правду, Осетр понятия не имел, как возят преступников на планеты-тюрьмы. В школе «росомах» кадетов не учили ничему, связанному с пенитенциарной системой, – в конце концов, «росомахи» не занимаются охраной

лагерей, это боевое подразделение создано совершенно для иных целей. Задачи «росомах» сродни задачам, выполняемым мерканской морской пехотой, одному из старейших родов войск в Ордене. Конечно, «росомахи» не столь богаты традициями, как морские пехотинцы (те даже название подразделения не сменили, хотя давно уже не плавают по настоящим морям), но, в случае боевого столкновения, кто кого – это, братцы, мы еще посмотрим!

Увы, морпехов поблизости не было, и показывать взбалмошной дочери давнего выпускника школы «росомах» – кто кого! – кадет не мог, и потому пришлось учтиво расстаться с дамами и отправиться к себе в каюту, где, пребывая теперь в гордом одиночестве, проделать уже знакомые манипуляции для подготовки к следующему прыжку. Поскольку здешняя планетная система не столь населена, как окрестности Чудотворной, то и к точке старта вовсе не требуется ползти шесть часов. Отвалил в сторонку, где никто под ногами не путается, – и в колонну по одному, гвардейцы!..

Тем не менее, до этой «сторонки» час-то всяко шлепать, не с околопланетной же орбиты транссистемник в прыжок пойдет!

Как и ожидалось, каюта встретила его тишиной и пустотой.

Едва за спиной закрылся люк, пол под ногами чуть дрогнул – от «Дорадо» отстыковался шаттл, увозивший на Угловку бывшего попутчика.

Интересно, завидует сейчас тот кадету, которого ждет дальнейшая дорога? Если умный человек, должен завидовать. А с другой стороны, умный человек никогда не завидует невозможному, тем более если это невозможное временно… Диалектика человеческих отношений, в котел ее!

Осетр подошел к своему ложу и растерянно оглянулся не зная чем себя занять. Это было чрезвычайно незнакомое для кадета-«росомахи» ощущение. В школе таких минут просто не бывает. Там ты либо на занятиях, либо в наряде, либо занят мелочами, которые тоже должно делать. Либо в увольнении – а там тоже скучать не приходится…

В принципе, можно принять чисто расслабляющий душ, но ведь физического напряжения не было. Светская болтовня с дамами телесных сил не требует, тут все больше моральная усталость накапливается…

Осетр усмехнулся последней мысли – можно подумать он хотя бы раз забалтывался с дамами до моральной усталости!.. Интересно, скоро ли интерком объявит о начале подготовки к прыжку. Почитать, что ли, пока? В чемоданчике лежала книжка – среди ее содержимого были «Вехи побед», сочиненные создателем бригады «росомах» Великим князем Романом, жившим более трех веков назад. «Вехи» были написаны «росомахой» о «росомахах» и для «росомах». Это была настольная книга каждого кадета – сродни молитвеннику для ярого богомольца, сродни уставу караульной службы для военнослужащего охранных войск, сродни учению Станиславского для большинства росских актеров и актрис… В «Вехах» рассказывалось, к чему должен стремиться каждый «росомаха», чтобы стать хорошим защитником Отчизны. Именно в «Вехах» родилась фраза, которую любил повторять капитан Дьяконов «Все мы – дети своих матерей, но есть у нас мать и одна на всех. Это наша Рось»… Что ж, почему бы и не перечитать кое-какие места из этой библии «росомах»?

Он достал из багажной ячейки чемоданчик. Однако, вытащив книгу и включив ее, Осетр обнаружил, что мысли его занимают вовсе не вехи и не победы. То есть, победа, конечно, если можно так выразиться, но победа вовсе не над врагами Отчизны… Потому что место Родины в его мыслях вдруг заняла Яна. Это было настолько непривычно, что становилось не по себе. Может ли женщина для гвардейца стать важнее Родины? Если это, конечно, не матушка…

Странно, почему сегодня девица вела себя совсем не так, как вчера? Будто за время релаксационного сна что-то произошло… Будто девушка внезапно и самым капитальнейшим образом в новом знакомце разочаровалась… А вот няня Аня, наоборот, будто очаровалась… Почему? Что он такое совершил, чтобы расположить к себе старую и отвратить молодую? Держал себя самым строгим образом, вольностей не позволял. Да и не позволил бы, ибо капитан Дьяконов всегда говорил: «Солдат, способный обидеть женщину или ребенка, годится только на сырье для пищевого синтезатора!» Почему пищевого – кадеты некоторое время не понимали. Пока не узнали, что в прежние времена пищу изготавливали совсем в других синтезаторах, чем, скажем, мундиры или кортики. Это потом синтезаторы стали универсальными… Синтезаторы универсальными, а девушки – недоступными, как гора Эверест. Есть вроде бы такая на Старой Земле…

Там, правда, теперь никто не живет. И на курортах не отдыхают. Летают теперь на другие курорты. По дороге с девушками знакомятся. Запросто, потому что кадетов все любят… Но каким же образом кадет-выпускник Приданников вчера

берету уши отвинтил? А отвинтил явно, иначе бы Яна сегодня не сменила милость на гнев!..

Вспомним-ка, о чем мы говорили после знакомства, шажок за шажком, вопрос за ответом, ответ за вопросом. Кстати, вполне возможно, что няня Аня сменила гнев на милость именно потому, что подопечная на нового знакомца осерчала, и угроза няниному благополучию испарилась, как линкор после удара батареи планетного калибра. А что? Вполне объяснимо… Однако нас интересует вовсе не нянино благополучие, а Янино недовольство! Так что в колонну по одному… Они вошли в кают-компанию, когда к обеду отбили вторые склянки. Няня шла впереди…

Однако больше вспомнить он ничего не успел, потому что ожил интерком:

– Вниманию господина Остромира Приданникова. Капитан судна срочно просит вас прибыть на мостик. Мостик расположен на палубе А.

Осетр слегка опешил. Он бы скорее поверил, что в каюту войдет мегера Аня, чем в возможность вызова к капитану. Что могло понадобиться от него командиру «Дорадо»? Внутрисудового распорядка вроде бы не нарушил…

Интерком повторил объявление.

Осетр поколдовал с клавиатурой местного информатория, и на мониторе появился план внутреннего устройства «Дорадо». Так, поглядим, как попасть на мостик…

Оказалось, не столь уж и трудно. Пройти к ближайшему лифту, а там – на два этажа вверх и по коридору, обозначенному цифрой «один». Ну разумеется, от мостика должен вести первый и только первый коридор, а от него уже должны расходиться второй, третий и так далее… Впрочем, вся палуба А на плане была выкрашена в красный цвет, а в графе меню «Доступ» значилось «С целью обеспечения безопасности во все помещения, отмеченные на плане красным цветом, проникновение пассажиров запрещено».

Осетр вернул книгу в чемодан, выскочил из каюты, споро проследовал к лифту, вошел в кабину и нажал кнопку «Палуба А».

Над пультом всплыла триконка «Наберите код доступа».

Осетр растерянно нажал кнопку во второй раз.

На сей раз ожил интерком.

– Простите, сударь, господ пассажиров не ждут на палубе «А», – сказал строгий мужской голос.

– По интеркому меня только что вызвали в капитану, – объяснил Осетр.

– Назовите ваше имя, пожалуйста!

Осетр представился.

Через мгновение пол под ногами чуть дрогнул и тут же замер. Несколько секунд ничего не происходило, но вот стена-дверь исчезла, открывая доступ в коридор.

Рядом с лифтом стоял вахтенный. Выражение физиономии его было откровенно вопросительным.

– Пассажир Остромир Приданников, – сказал Осетр. – Меня вызвали к капитану.

– Попрошу подождать. – Вахтенный, не сводя глаз с гостя, буркнул что-то в висящую возле рта скобку микрофона.

На правом ухе у него висел наушник.

Прошло несколько мгновений, и вахтенный вытянулся, будто перед ним внезапно возник начальник:

– Слушаюсь!

Он повернулся к Осетру:

– Следуйте за мной, пожалуйста!

«По крайней мере арестовывать меня вроде бы не собираются», – почему-то подумал Осетр.

Мысль об аресте была, конечно, дикой, но для чего еще могут вызвать отпускника к капитану транссистемника, на котором оный отпускник летит?.. Только в одном случае – оный отпускник объявлен в общегосударственный розыск (слава богу, если ошибочно!), и велено его немедленно арестовать, где бы он ни находился…

Осетр и сам понимал, что это ерунда, но дурное предчувствие почему-то не покидало его сердце. Бывает иногда такое – вроде бы и ни совершил ничего предосудительного, а глухая непонятная вина живет и живет в душе, незваная и тяжело переносимая…

Он двинулся следом за вахтенным, теряясь в догадках.

Впрочем, у вызова к капитану могла быть и иная причина – если кто-то из пассажиров нажаловался на кадета-«росомаху» Приданникова за неприличное поведение. В принципе давешняя зеленоволосая вполне могла. Судя по повадкам, дамочка была не из простонародья и не из шибко умных – такие вполне могут начать качать права. А на судне во время рейса капитан – это всё. И судья, и прокурор, и адвокат. Да и палач, к слову…

Вахтенный провел Осетра мимо череды затянутых перепонками люков, которые любой штатский ничтоже сумняшеся назвал бы словом «двери». Над этими самыми «дверями» красовались триконки с ничего не говорящими аббревиатурами. Глядя на эти триконки, Осетр быстро успокоился. Некоторые аббревиатуры могли вызвать улыбку.

«УХО», например. Или «ССУ»… Первое, наверное, – Управляющий Хозяйственным Отделом. Командир горничных, стюардов и смотрителей за автоматическими уборщиками… А второе – Система какого-то Управления… Стратегического, к примеру… Ага, на гражданском судне… Скорее уж – Специального…

Возле люка с триконкой «КОК» вахтенный остановился.

«КОК? – удивился Осетр. – Капитан Очень Крут?..»

– Вам сюда! – сказал вахтенный, кивая на люк.

Перепонка заколебалась и исчезла, недвусмысленно приглашая гостя зайти внутрь. Осетр беспомощно глянул на вахтенного и шагнул вперед.

Неведомый «КОК» оказался не слишком большим. Вместо трех стен тут были видеопласты, которые с первого взгляда можно было принять за большие окна. А со второго становилось ясно, что окна эти открываются вовсе не в забортное пространство – они показывали помещения судна: коридоры, по которым топали в свои каюты пассажиры, спешащие подготовиться к новому прыжку; кают-компании с непривычно пустыми столами; какие-то рубки, заполненные аппаратурой неизвестного назначения. На одном из видеопластов Осетр увидел собственную физиономию. Изображение было неживым, и сразу становилось ясно, что это документ.

Перед экранами висели виртуальные клавы, за некоторыми сидели люди в серой форме и с погонами на плечах.

Один из них, рыжеволосый тощий тип, повернулся к вошедшему Осетру, встал:

– Кадет Приданников?

Погоны были не армейские. Зато тон, каким задали вопрос, определенно был армейским.

Осетр вытянулся и щелкнул каблуками:

– Так точно!

– Я командир охраны корабля майор Мурашко. – Рыжеволосый дернул подбородком совсем по-уставному. – Нам пришла хивэграмма от некоего Константина Константиновича с индексом «Воздух». Вам известно, кадет, кто такой этот самый Константин Константинович?

Осетр кивнул. Еще бы не известно!.. За позывным «Константин Константинович» скрывался штаб Великого князя Владимира, а штабные хивэграммы для любого «росомахи» – приказ, требующий немедленного исполнения. Даже если ты

простой кадет и находишься в законном отпуске… А индекс «Воздух» означал, что команда корабля должна оказать адресату хивэграммы любую посильную помощь. Даже если корабль – обыкновенное пассажирское судно, а адресат всего-навсего пассажир этого судна. Впрочем, чисто пассажирских судов, как известно, не бывает – любой пассажирский с виду корабль, в случае необходимости, может быть превращен как минимум в военный транспорт…

– Полученная хивэграмма касается вас, кадет, – продолжал рыжий майор. – Идемте со мной!

Майор Мурашко вывел Осетра из помещения с триконкой «КОК» и провел к помещению с триконкой, на которой значилось «456». Находились оба помещения на одном этаже. Судя по всему, место, куда Осетра привели, было каютой.

Зашли внутрь. Так и есть, каюта.

– Присаживайтесь вот сюда, кадет, – сказал майор. – Сейчас приказ, содержащийся в хивэграмме, будет выполнен. А я пока оставлю вас одного.

Осетр сел в кресло перед темным видеопластом на стене каюты.

Чпокнула перепонка люка за его спиной: майор вышел. А потом видеопласт расцветился, и на нем появился Дед. Собственной персоной.

Глава шестая

– Вот ведь дьявол! – Майор Мурашко был зол, как непохмелившийся боцман со средневекового клипера. – Не могли они прислать хивэграмму чуть ранее?

Это был несомненно риторический вопрос, и Осетр не стал на него реагировать. Все равно рыжий майор в его ответе не нуждался. Просто приди приказ чуть ранее, когда еще не отвалил от «Дорадо» местный шаттл, и у майора было бы сейчас гораздо меньше хлопот…

А у него, Осетра, наоборот – больше.

– Ладно, сами виноваты. – Мурашко перестал метать молнии в пространство. – Не надо было опережать расписание… – Он повернулся к Осетру. – Что еще вам потребуется, кадет?

– Комплект номер два.

– В кладовой должны быть. – Майор схватился за говорильник, потыкал сенсоры. – Антон! Срочно нужен комплект номер два.

– Через двадцать минут будет готов.

Мурашко сверкнул глазами в сторону Осетра и выругался:

– Через десять минут, Антон Батькович. Не забыл еще, что ты сержант запаса?

В говорильнике недовольно проворчали:

– С вами забудешь, майор… Вы мертвому напомните!

– Ну так в колонну по одному! Через десять минут доставишь в отсек номер пятьдесят пять.

– Пятьдесят пять? – Голос неведомого Антона зазвучал металлом. – Будет сделано, майор… Кого-то сбрасываем?

– В колонну по одному, я сказал! И без вопросов! Много будешь знать, скоро состаришься! – Майор нажал кнопку отбоя.

Он определенно получал удовольствие от того, что отдавал приказы, и Осетр понимал его удовольствие. Оба они, по большому счету, были формально невоенными людьми (кадет-выпускник Приданников – еще; а майор Мурашко, судя по всему, уже), но у них была душа военного человека, и потому они с удовольствием отдавали или выполняли приказы…

– Будут ли другие пожелания? – спросил майор. Все-таки он давно привык общаться со штатскими.

Осетр пожал плечами, не зная ответа на заданный вопрос.

– Вещи ваши где находятся?

– Ах да, вещи, – вспомнил Осетр. – Я же в отпуск летел… В каюте остались. Не мог же я их с собой сюда взять!

Мурашко усмехнулся:

– Да, засада с палисада!.. Но все будет пучком. Прибудем на Дивноморье, сдадим в камеру хранения в центральном космопорту. Или лучше отправить назад?

– Нет, – сказал Осетр. – Пусть чемоданчик и в самом деле дожидается меня на Дивноморье. Будет повод отправиться туда снова. Я должен был поселиться в гостинице «Ласточкино гнездо». Вот там пусть меня и дожидается.

– Смотрю, вакуум ты не травишь, парень… Ну и правильно! Задания приходят и уходят, а отпуска вечны, как любовь. Правильно?

– Правильно, господин майор! – отчеканил Осетр, приложив все усилия, чтобы в голос не прорвалась в дрожь, потому что волнение в душе росло и росло.

– Ну что ж, парень, тогда в колонну по одному?

– Сначала я должен побывать возле универсального синтезатора.

Мурашко шлепнул себя по лбу:

– Ну конечно! Не в этой же форме на задание идти!

Да, штатская жизнь определенно забрала его в свои лапы – боевой офицер никогда бы не позволил себе таких жестов в присутствии младшего по званию. Честь мундира, как известно, выше чести его хозяина…

Осетра провели в помещение корабельного синтезатора, и он, использовав полученные от руководства спецкоды, обзавелся необходимым обмундированием: курткой, штанами, беретом, ботинками и комплектом соответствующего нижнего белья. Потом посомневался немного, не стоит ли обзавестись и главной принадлежностью большинства жителей планеты – ошейником, но решил, что не стоит. И, только напялив на себя все приобретенное, впервые подумал: «А не предстоит ли мне „суворовская купель“?»

Эта мысль его слегка ошарашила, но, поскольку переодевание происходило в присутствии рыжего майора, возможности для душевных терзаний не имелось: Мурашко все-таки был штатским, майорского в нем было – только погоны с одной звездой, да и звания у шпаков совсем иные. Это в просторечье он майор, а на самом деле какой-нибудь титулярный советник второй гильдии или еще какая-нибудь подобная бюрократическая дьявольщина…

Мурашко оценивающе оглядел Осетра с ног до головы:

– А что?.. Вполне прилично! Я бы даже сказал: не подкопаешься! Как говорится, патрон в обойме!

Вот и еще одно его отличие от боевого офицера: армейские перед чужими жаргонные словечки стараются не употреблять. А уж «росомахи» – и вообще никогда языка не развяжут! У «росомах» скрытность с молоком матери впиталась… Ну не с молоком, конечно, – это так только говорится, – просто воспитатели в школе вбили это свойство в подчиненных. Периодически, не реже раза в неделю, объявлялся тайный день, когда вся школа была обязана говорить исключительно на нейтральном языке, и упаси бог тебя воспользоваться жаргоном! Наказание следовало незамедлительно.

А что вы, господа кадеты, хотите! Иначе и быть не может! «Росомаха» это «росомаха», он живет обычной жизнью только в казарме, а это бывает далеко не каждый день. Чаще же всего он – либо коммивояжер, либо альфонс-ловелас, либо инженер-системщик какой-нибудь … Короче, как легенда потребует. А порой и вовсе настороженный убийца среди врагов, безо всякой легенды. Так-то! Кстати, жаргон коммивояжеров, альфонсов-ловеласов либо инженеров-системщиков каких-нибудь, когда потребуется, вы выучите. Но сначала научитесь контролировать свой язык. Так что в тайный день гаси светило, никакого жаргона!.. Забыть и береты с отвинченными ушами, и непрочищенные

дюзы, и патроны в обойме, и все остальное-прочее! В том числе, и «Гаси светило». Мы – гвардейцы, и этим все сказано.

Капитан Дьяконов – это капитан Дьяконов, говорит, будто подошвы в плац впечатывает…

– Номер моей каюты – двести восемьдесят пять, – сказал Осетр.

Майор Мурашко кивнул.

– Чемоданчик с вещами прямо на полу в каюте, возле релаксатора. Я не думал, что надолго уйду.

Майор снова кивнул:

– Все сделаем, за вещи не беспокойтесь, кадет… Идемте?

Теперь кивнул Осетр:

– Идемте. – И не удержался. – В колонну по одному!

Через несколько минут они были в нужном отсеке. Здесь Мурашко уже ждал немолодой мужчина с дорожной серой сумкой в руках. Судя по всему, это был сержант запаса по имени Антон, потому что сумка представляла собой ничто иное как комплект номер два, без которого «росомаха» и не «росомаха» вовсе, а так, кусок дерьма… Впрочем, неправда, «росомаха» остается «росомахой» и с голыми руками. Руки эти многое умеют, а к ним еще и голова полагается, весьма неглупая и немало знающая…

Отпустив Антона, Мурашко вручил Осетру комплект, самого Осетра передал специалистам-техникам, пожал кадету руку и отошел в сторону.

Транспортное средство модели «стрекоза», в просторечии называемое «шайбой», представляло собой цилиндр трех метров радиусом и в полтора метра длиной. Бригада техников заканчивала предстартовую подготовку. «Стрекоза» не то была спасательной шлюпкой малой вместимости, не то ее специально разработали для случаев, когда экстренно требуется высадить или

поднять одного-двух человек, и гонять на околопланетную орбиту шаттл попросту накладно.

– Сход и посадка производятся в автоматическом режиме, – сказал один из техников. – Назовите координаты точки приземления.

Осетр продиктовал полученные от Деда координаты. Техник споро понажимал сенсоры на висящем в воздухе пульте. Верхняя плоскость «шайбы» заколебалась и исчезла. Открылись внутренности транспортного средства. Впрочем, внутренностями это назвать было сложно, поскольку под крышкой была всего одна полость, имеющая форму человеческого тела, а все остальное было заполнено материалом серого цвета. Техник повернулся к Осетру:

– Прошу вещи!

Осетр отдал ему комплект номер два, тут же перекочевавший под крышку багажника.

– Прошу укладываться!

Осетр шагнул к шайбе.

– Поскольку на планете отсутствуют технические средства, способные обнаружить «шайбу», необходимости в быстром прохождении атмосферы нет. Спуск будет осуществляться в обычном режиме, без баллистики, со скоростью двести километров в час и займет около сорока минут. Придется поскучать. – Техник виновато развел руками, будто извиняясь за проектировщиков, создавших транспортное средство, неспособное развлечь пассажира.

Да не парься ты! – сказал бы ему Осетр, если бы мог позволить себе такие разговоры. – В сурдокамере и побольше сидеть приходилось…

К тому же, при спуске «мозгогруз» работать будет, а значит, скучать пассажиру не придется.

Он глянул на часы – браслет остался в чемоданчике, ибо на Угловке, как и на борту космических судов, эта система связи не применялась – и улегся в

полость. Снизу и с боков шевельнулось – «шайба» подстраивалась под индивидуальную форму тела.

– Тем не менее, нейтралин… нейтрализатор инерции будет работать в течение всего спуска, – продолжал техник.

Я знаю, – сказал бы Осетр… и, разумеется, лишь молча кивнул.

– Мягкой посадки! – прощальная фраза была традиционной, хотя никаких других посадок, кроме мягких, давным-давно уже не существовало. Впрочем, пусть и мизерная – не больше чем падение метеорита на голову, – но вероятность отказа техники всегда существует, поэтому пожелание никогда не лишне.

Воздух перед глазами кадета замутнел – материализовывалась крышка «шайбы», – а потом наступила темнота.

Нейтралины работали с самого начала, потому что Осетр не почувствовал, как транспортное средство установили в выталкивающую катапульту, а потом отправили за пределы транссистемника.

Глава седьмая

Осетру показалось, что спуск продолжался три часа, и все это время было потрачено на знакомство с информацией, сначала акустической, которую ему приятным женском контральто предоставила «шайба». Терраформирование планета прошла давным-давно, и атмосфера сделалась – стандартнее некуда. И хотя поверхность океанов тут была меньше, чем на Новом Петербурге, однако воды хватало, поэтому имелись обширные леса. Собственно леса эти и были главной достопримечательностью Угловки, ибо при терраформировании произошло неожиданное – при смене внешних условий кое-какие растения не вымерли, а мутировали, и генетические трансформации привели к тому, что сок этих растений при соответствующей обработке превращался в ингибитор возрастных изменений. А попросту в лекарство от старости, почему-то называемое в народе «храппом». Разумеется, такому продукту цены не было, а чтобы еще больше увеличить прибыли, владельцы Угловки добились, что

планету превратили в пенитенциарное заведение, и на производстве использовался весьма дешевый труд преступников, наиболее отъявленных – приговоренных к смертной казни или к пожизненному заключению. Взамен в казну поступали какие-то средства. И не только в казну, но, наверное, и в карманы отдельных государственных деятелей, но тут была темна вода в облацех… В общем, интересная была планетка, эта Угловка, да и люди на ней, наверное, жили тоже интересные… Вернее, доживали. А вокруг этих доживающих вращалась масса другого люда: проститутки, владельцы забегаловок, торговцы, администрация, само собой. В общем, как и везде…

Потом, когда началась накачка ментальности и от женского голоса стало можно отказаться, включился «мозгогруз». Напрямую перекачались основы торгового дела, курсы валют, биографические данные, обусловленные легендой… Отныне он был не Приданников, а Кайманов, позывной Ирбис. Потом его дважды укололо в плечо – «шайба» сделала необходимые прививки. Хотя зачем прививки прибывающему на Угловку, совершенно непонятно…

Наконец Осетр почувствовал, как вернулась тяжесть – это отключились агэдэшник[2 - АГД – антигравитационный двигатель.] и нейтралин, – а темнота перед глазами начала сереть.

Осетр опустил веки и стал дожидаться, пока глаза не привыкнут к нарождавшемуся свету. Этот процесс показался ему более длительным, чем спуск, однако, когда все завершилось и он первым делом поднял руку и глянул на часы, оказалось, что со времени прощания со словоохотливым техником «Дорадо» прошло всего лишь три четверти часа. Не казарма, сорок пять секунд подъем, конечно, однако и не страстная неделя…

Затем он осмотрелся.

Вокруг стоял лес. Был он вроде бы диким и страшным, и за ближайшим стволом вполне мог прятаться какой-нибудь местный саблезубый тигр, намеревающийся полакомиться незваным гостем из космоса. С другой стороны, не все было так плохо, поскольку листья на деревьях были зеленые (а каким они могут быть, если терраформирование, естественно, делалось для людей?), да и саблезубых тигров здесь, судя по прослушанной информации, вроде бы не имелось. По крайней мере, четвероногих, а с двуногим-то мы всяко справимся, даже если он убил десяток честных граждан… И для этого нам даже не потребуется задействовать ошейник…

Осетр полежал еще пару минут, прислушиваясь. В лесу царила тишина, но не скопище безмолвия, которое почему-то чаще всего и называют тишиной, а тишина живая, наполненная мириадами звуков – от стрекота местных насекомых до пения местных птиц, от шелеста травы под легким дуновением до хруста сука, обломленного сильным порывом…

Это была нетронутая тишина – не было слышно ни человеческой речи, ни чьих-то шагов, ни насвистывания незатейливой мелодии типа «Жить без тебя не могу, мой сладкий…»

Убедившись, что он один, Осетр встал с ложемента и, вытащив из багажника комплект номер два, шагнул на траву. Не прошло и пяти секунд, как внутренности «шайбы» помутнели и скрылись за материализующейся крышкой, а потом и само транспортное средство исчезло из глаз, когда ИскИн заставил мимикроидное покрытие обрести цвет окружающей растительности. Теперь на «стрекозу» можно было наткнуться только случайно, но и при таком раскладе внутрь не проникнешь, а если попытаешься обратиться за помощью к фирмам, владеющим грузоподъемной техникой, чтобы вывезти находку из леса, не всякий тебе поможет, потому что «шайба» – это не закопанный и случайно обнаруженный клад, не брошенная техника, а работающая собственность одной из росских транспортных компаний. А когда в систему Веры прилетит очередной транссистемник, «стрекоза» проснется, встрепенется, покинет планету и улетит к кораблю, ставшему его новой маткой. А уж в одиночестве она это проделает или с пассажиром на борту, станет ясно несколько позже…

Оставлять комплект номер два здесь, в лесу, не было никакого смысла. Найти-то найдешь потом, да ведь в лес всякий раз не набегаешься, и потребоваться может в любой момент.

Впрочем, комплект замаскирован под обычную дорожную сумку, разве что оборудован кодовым замком, да еще снабженным дактилотехникой, и если найдет умелец, способный подобрать ключик к кодовому, то не обнаружив отпечатка Осетрова указательного пальца, дактилозамок немедленно уничтожит содержимое «дорожной сумки». И останется у умельца в руках только догадка, что хозяин «сумки» далеко не обычный человек, коли не дозволяет вам заглянуть в свои вещи.

Введя код и приложив к датчику палец, Осетр открыл сумку и достал сканер системы навигации. Ввел код планеты. Сканер сориентировался по базовым спутникам, висящим над поверхностью на планетостационарной орбите, и выдал на видеопласт свое местонахождение, привязался к карте.

Ну что ж, топать лесом придется чуть более километра…

Солнышко тут привычно-желтое и жаркое (лето все-таки в этих широтах), однако во первых оно еще не забралось к полуденной точке, а во-вторых, листва неплохо затеняет его, так что идти будет вполне комфортно.

Осетр взял азимут по компасу, убрал сканер, закрыл сумку и зашагал прочь.

Глава восьмая

Через двадцать пять минут он выбрался на дорогу, но эти двадцать пять минут были больше похожи на вечность, чем сход с орбиты и посадка. Едва он отошел от «шайбы», местные кровососы набросились на пришельца, как стая злобных псов. В комплекте номер два был репеллент, но воспользоваться им значило подставиться. Зоркий глаз наверняка заметит, что выходец из леса не искусан, а добавленный к зоркому глазу острый ум немедленно задастся вопросом «Почему?» Поэтому Осетр позволил себе сорвать с дерева веточку и сражался с паразитами не на жизнь, а на смерть с ее помощью. И немало гадов пало в этом неравном бою, но легионы их были бесчисленны и отважны. К счастью, возле дороги их оказалось совсем немного – должно быть, в ограждение строители заделали что-то отпугивающее.

Дорога была как стрела, выпущенная к горизонту – ровная, прямая и стремительная. Как и все человеческие дороги… Выходила она из лесу и упиралась вдали в лес. Словно кто-то бросил кусок дорожного полотна да и забыл про него.

Из какого материла ее сделали, Осетр, разумеется, не знал. Впрочем, тут и знать нечего – наверняка реформированный местный грунт. Не возить же покрытие с другой планеты. Такую дорогу никакой храпп не окупит…

Осетр выбросил веточку-защитницу, перелез через ограждение, поправил на плече лямки комплекта номер два и зашагал направо, на восток.

По дороге идти – не по лесу, ничто не мешает, топай да топай. И вполне можно было обдумать ситуацию, в которую он попал. Объяснил Дед все просто и доходчиво, но объяснение это – либо правда, либо пулянье камней по кустам.

Если правда, платой за сорванный отпуск может стать прохождение «суворовской купели», потому что Дед хоть и не обещал, что операцию на Угловке зачтут за это экзаменационное испытание, но среди кадетов ходили разговоры о том, что иногда участие в реальном деле школьное руководство засчитывало за прохождение «купели». Впрочем, это сейчас не столь важно, главное – добиться успеха…

С другой стороны, вся предстоящая операция сама по себе вполне может быть этой самой «суворовской купелью». Разумеется, сказать ему об этом Дед не мог, он бы в любом случае наплел что-нибудь типа того, что Осетр от него и услышал…

В общем однозначных выводов из разговора с Дедом, при всем желании, не сделаешь. А разница между ситуациями заключается в главном – если впереди настоящая боевая операция, безо всякой туфты, с настоящими противниками и настоящими угрозами, то исходом при совершенной ошибке может стать настоящая смерть. Если же его, Осетра, ждет всего-навсего испытание, проверка уровня подготовки, полученной в школе, то до смерти дело, разумеется, не дойдет. Дойдет, разумеется, до неудовлетворительной оценки, но позже непременно предоставят возможность пройти «суворовскую купель» еще раз. Слишком много средств и сил тратится на обучение будущего «росомахи», чтобы его выбрасывать вот так вот, после первой неудачи… Экзамен есть экзамен, жизнь есть жизнь… И одна пересдача возможна. Но лучше, конечно, без нее!

Осетр поразмышлял еще некоторое время, но пришел только к одному выводу – определить истинный характер ситуации он не в состоянии. Нет у него информации для анализа, все исходные данные могут быть истолкованы двояко.

Возможно ли, что Угловка используется руководством для организации «суворовской купели»?.. Запросто!

Возможно ли, что Угловка ни в коем случае не используется для организации «суворовской купели»?.. Тоже запросто!

В первом случае здесь должны быть агенты «росомах», во втором случае таких агентов может и не оказаться. И в самом деле – что делать «росомахам» на внутренней планете, представляющей собой лагерь для заключенных? Для работы с зеками существует министерство исправительных учреждений и его охранные части. Там свои специалисты, им не требуется воевать с противником, им требуется заставить противника (к тому же, внутреннего) работать на благо Империи, а эта задача подразумевает применение совсем других методов оперативной работы.

Мог ли парень, которого потребовалось спасать, оказаться здесь вовсе не потому, что того потребовала работа?.. Мог. К примеру, прилетел проведать родственника-заключенного, такое практикуется: осужденные к смерти или к пожизненному – тоже человеки. А тут его и взяли в оборот. Вот только непонятно, почему для его освобождения решили привлечь кадета-«росомаху»? Есть же в министерстве внутренних дел специальные подразделения для борьбы с киднапом и типами, промышляющими такими преступлениями!..

Ровная дорога ложилась под ноги, деревья закрывали солнце, шагать было по-прежнему легко, и летающий гнус по-прежнему роился за пределами ограждения.

Впереди появился деревянный столб с металлическим листом, украшенным числом «тридцать».

Ну и триконка!

Дорога по-прежнему была пуста.

Однако, движение у них тут не из активных. Похоже, рассчитывать на то, что появится попутная машина, не приходится. Впрочем, не может такого быть. Раз дорога существует, значит ею пользуются. Раз пользуются, рано или поздно попутная машина появится. Дорога, ведущая из леса в город, здесь может быть построена только с одной целью – для перевозки добываемого сырья.

Ладно… А почему же тогда родные военачальники ввели в дело кадета-отпускника? Почему не обратились в соответствующие органы? Причина может быть только одна: если угодивший в беду человек – «росомаха», причем «росомаха», выполнявший здесь некое задание, о котором этим самым соответствующим органам лучше не знать. К примеру, это «росомаха», засланный сюда с целью раскрутить и выявить коррупционные связи… Возможно такое? Запросто! Если его императорское величество затеял очистить министерство исправительных учреждений от коррупционеров, он вполне мог обратиться к Великому князю Владимиру, чтобы не произошло утечки. А ВКВ вполне мог отправить на Угловку кого-либо из своих подчиненных, почему бы и не помочь брату и родному государству?

Еще из истории известно, что коррупция обессиливает любую империю, разрушает ее структуру и административные цепочки, связанные с управлением. И если грядет большая война, в такой ситуации первое, что надо сделать, очиститься от коррупционеров, так не раз происходило в древности у тех правителей, кто был озабочен силой государства.

Но в этом случае Дед бы, наверное, назвал Осетру имя «росомахи», попавшего в беду… С другой стороны, не знаком же Осетр со всеми «росомахами» Империи, тем более выполняющими ответственное задание государя. Да, тут клички-позывного вполне хватает. И остановимся на том, что человека этого зовут просто Муромец.

А вот и еще одна закавыка… Раз у «росомах» тут нет своей агентуры, значит, приходится использовать людей из других государственных структур. Скорее всего, это сотрудники имперской службы безопасности. Сотрудники ИСБ гораздо менее коррумпированы, и у них нет никакого резону предупреждать коррупционеров из министерства исправительных учреждений, так что этот Баян, которого Дед назвал Осетру в качестве первого контакта, наверняка иэсбэшник. Чем он способен помочь Осетру? Да собственно только тем, что может задействовать своих осведомителей. Уж настолько-то методами оперативной работы «росомахи» владеют, чтобы понимать это. Осведомители раздобудут информацию о местонахождении жертвы преступления, но решать, как освободить его, придется все равно самому. Правда, Дед не запретил обращаться за помощью к государственным органам, но ведь государственные органы, не будем забывать, предположительно коррумпированы, и обращать к ним все равно что выдать самого себя преступникам. Надо было попросить у Деда более реальной помощи, но что это за «росомаха», которому нужна помощь

в схватке с преступниками?! Со швалью, рванью и пьянью… Хорош будет подобный гвардеец! Такое участие в операции вред ли стоит засчитывать как прохождение «суворовской купели»!

Так, ну а если это все-таки сама по себе «суворовская купель»? Что тогда?.. Тогда испытуемый кадет должен все время находиться под контролем экзаменаторов, чтобы они могли в любой слишком опасный момент вывести его из игры.

Тогда майор Мурашко, отправив «шайбу» к планете, уже доложил об этом кому следует, и уже задействован висящий на стационарной орбите над этим районом спутник, и внимательные глаза аппаратуры (а может, и человеческие!) следят сейчас за шагающим по дороге кадетом Остромиром Приданниковым.

Осетр не удержался, улыбнулся и помахал небу рукой.

Привет вам, контролеры! Привет вам, соратники! Привет вам, хранители!

Но коли вы так заботливы, коли так печетесь о моем здесь пребывании, почему бы вам не послать мне на помощь какие-нибудь транспортное средство, а то пешком я и к вечеру не доберусь!

Похоже, эти его мысли были кем-то услышаны, потому что сзади возник неясный гул.

Пришлось обернуться. Вдали на дороге появилась черная точка. Гул быстро нарастал, и Осетр счел за лучшее остановиться и сойти на обочину. Вскоре точка превратилась в стремительно приближающееся транспортное средство. По обводам это был армейский грузовик «зубр», только водительская кабина была скомпонована на шасси не с фургоном, а с цистерной. В войсках таких машин было мало – там в цистернах разве что питьевую воду возили. Ну и спирт, разумеется… В былые времена все было иначе – тогда горючее использовалось жидкое, и такие цистерны в любом военном подразделении имелись.

«Ну что, хранитель? – подумал Осетр, с надеждой глядя на грузовик. – Подбросишь, коли ты соратник?»

И словно в ответ на его надежду грузовик застонал тормозами, запыхтел клапанами, сбрасывая лишнее давление, и остановился.

Правая дверца приглашающе покрылась рябью и растворилась в воздухе, в проем высунулся детина с физиономией кирпичного цвета и гаркнул:

– Эй, ханурик! В Чертков, небось, направляешься?

– В Чертков, – дружелюбно ответил Осетр.

Слова-обращения он не понял – жаргон «мозгогрузом» закачан не был, – но при базовой легенде это и не требовалось.

– Забирайся в кабину, подвезу. Замучаешься до города переть.

Долго себя ждать Осетр не заставил, скинул комплект номер два с плеча на локоть левой руки и по лесенке вскарабкался в кабину. Поставил сумку на пол, примостился на краешке сиденья.

Он и сам не знал, почему изобразил такую робость. Конечно, громила представлял собой шесть пудов стальных мышц, а выражение кирпичной физиономии не предполагало ни грамма страстной любви к ближнему, но на занятиях по рукопашному бою Осетр, бывало, укладывал вот такого же медведя сержанта Барсукова, а ведь тот был профессионал… Чаще, правда, Барсук укладывал кадета Приданникова, однако так и должно быть в паре «учитель-ученик»…

Впрочем, ведь по легенде – после якобы случившегося – он и должен быть сейчас робким.

Осетр еще раз глянул на водителя.

Нет, братцы, это никак не хранитель. И не соратник.

– Что ты как не родной? – Водитель, в свою очередь, зыркнул на Осетра прихватистым взглядом и тронул машину. – Устраивайся на сиденье по-человечески, я тебя не съем… Как зовут-то?

– Осё… Остромир Кайманов.

– А погоняло?

– Чего?

– Погоняло… Кликуха, говорю, какая? – Водитель снова внимательно глянул на пассажира. – Ты чё, не мертвяк?

– Я недавно сюда прилетел, – сказал опять ничего не понявший Осетр.

Между тем грузовик набирал ход с таким ускорением, что Осетра прижало к спинке сиденья. Тут бы тоже не помешали нейтралины. Хотя нейтралин увеличил бы стоимость такого грузовика вдвое, если не больше…

– Ты, говорю, не осужденный, что ли?

– Нет. У меня же ошейника нет.

Детина загоготал. У него были серые глаза и седина на висках, и встреть такого где-нибудь на Зимогорье одетым в костюм-тройку, решил бы, что это бывший солдат, проторчавший не один год в каком-нибудь мире, где с безоблачного неба три четверти года светит жаркое светило…

– Осужденные, парень, далеко не все носят ошейники, – сказал водитель таким тоном, будто поделился новостью, что выпил за завтраком чашку кофе. – К тому же, у нас эти штуки называются не ошейниками, а баранками. Вообще тут далеко не все так, как думают в миру. – Он оторвал от руля здоровенную лапищу и протянул Осетру. – Чинганчгук. – И пояснил: – Это меня за цвет лица прозвали. Типа индеец, краснокожий… А в миру был Матвеем. Но здесь у нас по именам звать не принято… Так откуда ты тут взялся, парень?

Вот и первая проверка… Впрочем, вряд ли этот красномордый бугай знает, когда именно к Угловке заглядывают транссистемники.

– Я недавно прилетел. Торговец. – Осетр вспомнил своего недавнего попутчика с «Дорадо». – Продаю грёзогенераторы.

– Хочешь, расскажу, что было после того, как ты прилетел? – Кирпичная физиономия просто загорелась азартом. – Зашел в кабак при космопорте, познакомился с ребятами, которые предложили тебя подвезти в Чертков, по дороге подпоили, обобрали и выкинули. Верно?

– Верно, – согласился Осетр. – Именно так оно и было. Сумку вот, правда, почему-то оставили.

Что ж, лагерь есть лагерь, порядки на Угловке и в самом деле еще те. И будет совсем неудивительно, если новый знакомец пожелает отобрать у бедолаги-торговца все, что не отобрали первые грабители. И выкинет. Не из добрых же намерений он подсадил путника…

Чинганчгук бросил на пассажира очередной быстрый взгляд.

– Иными словами, заплатить за подвоз тебе нечем. И в гостиницу устроиться не на что. Верно?

Осетр несмело развел руками.

– Не боись!.. Ты откуда прилетел?

Осетр решил, что, отвечая на этот вопрос, можно и не врать:

– С Нового Петербурга.

– Ого! Аж с самой столицы! И что же у нас есть такое, чего нет там?

– Здесь нет такого количества конкурентов. Бизнес есть бизнес, начинать его в таких условиях легче.

– Да-а-а… – Во взгляде водителя промелькнуло нечто, похожее на уважение. – Сюда к нам не всякий сунется. Тут территория не для слабаков.

Мимо пролетали незнакомые невысокие деревья. В какой-то момент они показались Осетру толпой попрошаек, выстроившихся вдоль улицы, когда по ней в день тезоименитства его Императорского величества проезжает царственная процессия, состоящая из придворных дам и кавалеров. В такой день нищие зарабатывают себе на целый месяц относительно сытной жизни… И если бы таких дней было двенадцать в году, то жизнь у нищих была бы малиной…

– До города далеко еще, Матвей.. э-э-э?

– Никаких Матвеев! Чинганчгук и только Чинганчгук! Привыкай говорить по-человечески, раз в наших местах решил бизнесом заниматься. – Водитель достал из нагрудного кармана куртки пачку сигарет, сунул одну в рот, щелкнул зажигалкой и окутался облаком дыма. – А до города за четверть часа домчимся

Осетру немедленно захотелось вставить в ноздри противодымные вкладыши-противогазы. Однако со своим уставом, как известно, в чужой монастырь не ходят… В придачу, мгновенно включилась система вентиляции, и воздух в кабине тут же очистился от гадости.

– В Черткове-то у тебя есть к кому прислониться?

«Ага, – подумал Осетр, – держи карман шире! Так я тебе и сказал!»

– Хотя откуда, если только что прилетел? Номер в гостинице, за который платить надо… Ладно, дам я тебе приют на пару дней. Переночуешь сегодня у меня. Мне теперь на вахту послезавтра.

– А вы сок храппов возите?

– Он самый. Десять рейсов за смену… – Чинганчгук в очередной раз затянулся и сунул окурок в пепельницу, которая немедленно переработала ненужную материю в энергию. Лицо водителя сделалось жестким. – Осужденный преступник я. А таким тут либо добывать сок храппов, либо возить его из леса на переработку, либо… – Он не договорил и полез за следующей сигаретой.

– Ну, ошейника-то… баранки-то на вас нет.

– А я тебе уже говорил, что тут далеко не все носят баранки. Все равно никуда не сбежишь.

– Но ведь тогда… Это же опасно. Почему бы, скажем, кому-либо не взять в заложники экипаж шаттла? И, шантажируя власти, не попытаться прорваться на борт транссистемника? Или не захватить транспортное судно?

– Ха! – Чинганчгук отравил атмосферу очередным клубом дыма. – Зеленый ты… А смысл какой в захвате? Конечно, на Крестах водятся кореша, способные на подобный абзац. Но ради того, чтобы не допустить таких корешей в Галактику, власти пожертвуют многим. Жизнь экипажа рядом с возможными неприятностями – просто мелочь! – Он глянул на Осетра, как на помешанного. – Было уже. Ничего нового на этом свете нет, все было. И захват шаттла был. Годов пятьдесят назад. Грохнули шаттл на границе тропосферы из орбитальной пушки, и весь компот! Вокруг Крестов таких пушек с десяток крутится, все небо простреливают. Кто-то из начальства еще и медальку, надо полагать, получил за решительность действий…

– А как же жизнь невинных людей? – Осетр и сам не знал, для чего несет такую пургу.

Просто ему казалось, что сейчас лучше всего прикинуться полным придурком. Возрасту соответствует…

– И с такими вот мыслями ты собирался тут торговать грёзогенераторами! – Чинганчгук фыркнул. – Сам, случаем, к мечтальнику не подключился? Заруби себе на носу, парень: здесь совсем другая жизнь! Не знаю, какими сказками тебя потчевали прежде, но на Крестах о них забудь, раз приперся сюда. А то недолго протянешь! Тебе еще повезло, что просто обобрали и выкинули. Вполне могли и замочить!.. Не надо объяснять значение этого глагола? Догадываешься?

– Догадываюсь… – Осетр изобразил на лице самое несчастное выражение из тех, что оттренировал в школе перед зеркалом.

Урокам физиономистики при подготовке «росомах» придавалось немалое значение…

– У тебя товар-то остался?

– Ну-у… Э-э…

Похоже, заминка была сыграна очень неплохо, поскольку Чинганчгук, ликвидировав очередной окурок, усмехнулся:

– Если товар на складское хранение в космопорту сдан, то я без тебя его оттуда все равно никаким образом не вытащу.

– Ну да, на складе хранится…

– Правильно, что не сразу с собой в Чертков потащил. А то был бы и без денег, и без товара… Впрочем, из-за товара тебя и в живых, наверное, оставили. Не приспело еще время мочить, решили. Потому и поклажу оставили. Выгоднее, чтобы ты еще какое-то время живым походил…

Резко посветлело. Лес как-то совсем неожиданно разошелся в стороны, уступив место обширным зеленеющим полям. Кое-где по полям двигались механизмы. Механизмами, судя по наличию кабин, управляли люди.

– Гордость нашей власти, – сказал Чинганчгук. – Едва ли не на сто процентов обеспечиваем себя пропитанием. Овощи, сырье для производства одежды. Завозить из мира мало что приходится. Кстати, и заливалово собственное производим.

– Что производите? – не понял Осетр.

– Заливалово. Местная водка. Храпповка. Мы ее зовем «божьей кровью»… Потребляешь водяру? Конечно, потребляешь, кто ж ею, родимой, брезгует? Баба как ни хороша, а предаст, а водовка никогда тебя не бросит… Так вот, после храпповки не бывает похмельной маеты. Потрясающая штука!

Послышался мелодичный звук. Чинганчгук потянулся к нагрудному карману и вытащил говорильник.

– Зэка номер тридцать-восемнадцать слушает… Да… – Он вдруг подобрался. – В каком месте?.. Ясно, господин капитан! Слушаюсь… На въезде в город нахожусь… Так точно!

Говорильник отправился в карман. Чинганчгук крепче сжал руль и прибавил скорость.

Браслетов здесь на носили, но система связи все равно была. Пусть и примитивная. Без связи никуда не денешься, хоть ты на столичной планете трудишься, хоть на попечении министерства исправительных сооружений.

– Драться-то умеешь, Остромир?

Конечно, многие торговцы умеют драться – те, кто уже пообтерся в бизнесе, узнав, что где и почем… Но легенда требовала иного ответа.

– Не-а, – испуганно сказал Осетр. – А что случилось?

– Шебутня случилась. Но не трясись, прорвемся. Они на центральной улице бузят. На Солнечном проспекте. А мы в объезд двинемся.

Водитель явно успокаивался. А значит, можно было не травить вакуум и пассажиру.

Между тем, впереди появились первые дома. Были они одноэтажные и утопали в зелени едва ли не по самые крыши.

– Это город? – недоверчиво спросил Осетр.

– Он самый. Чертков во всей своей красе. – Чинганчгук посмотрел на пассажира и понимающе усмехнулся. – Удивляешься, что небоскребов не видать?..

Осетр кивнул. Город, где не устремлялись к небу долговязые башни небоскребов, и в самом деле выглядел необычно.

– Так у нас тут земли на всех хватает. Еще и остается. А деревянные одноэтажные дома строить проще и дешевле. Лес-то совсем рядом. Да и камней для фундаментов хватает. А добыча всего этого добра при таком рабочем контингенте малозатратна. – Водитель поднял кверху указательный палец правой руки. – Экономика, брат, против нее не попрешь!

Грузовик влетел в город, как прыгнул в зеленую лужу. Однако Чинганчгуку тут же пришлось затормозить, потому что это был не лес, тут улицу то и дело переходили люди.

Осетр смотрел на них во все глаза. Люди были как люди, чаще мужчины, много реже женщины. Никто не носил полосатых роб с многозначным номером на груди, но у многих были ошейники. Среди носителей таких украшений не было ни одной женщины.

– И все-таки почему не все заключенные носят баранки?

Чинганчгук пожал плечами:

– А зачем? Большинство зэков – нормальные люди, от них ничего худого черепам… э-э… начальству не будет. С баранками ходят либо абсолютные отморозки, которых надо все время держать в ежовых рукавицах, либо полное чмо, которое лишь на пайку и заработать может. Кому заплатить нечем…

– Как это?

– Как-как? Задницей в косяк!.. Платишь контрольному инспектору червонец в месяц, и ходи со свободной шеей. Ему польза, а тебе спокойнее. Эти штуки хоть и безотказные, но чем черт не шутит! Лучше остаться без червонца, чем без тыковки. Нормальные отношения между начальством и подчиненными. За собственное спокойствие надо платить! Вот и платим.

– Но ведь это же коррупция!

– Разумеется! Ну и что? Да хрен-то с ней! Коррупция, брат Остромир, неистребима. Она тысячелетиями существует и сколько существует, столько с нею и борются. Одних коррупционеров к ногтю взять не успевают, как на их месте другие появляются. Так устроена жизнь. Я плачу инспектору за уверенность в целости моей шеи, а он мне… и ему есть за что платить. Здесь иначе нельзя.

«Не за стукачество ли инспектор тебе платит, дядя?» – подумал Осетр.

На домах, выкрашенных веселенькой канареечной краской, висели триконки «Солнечный проспект».

– Ага, вот и шебутня! – удовлетворенно сказал Чинганчгук. – Опять бузят, голубчики! Интересно, по какому пводу сегодня?

Впереди дорога была перекрыта толпой. Эта была не шагающая вдоль улицы колонна и не перегораживающая проезд цепь. Просто толпа. Народ стоял спиной к грузовику, вытягивая шеи. По-видимому, кого-то слушали…

– А мы их аккуратненько объедем, – продолжал Чинганчгук. – Не боись, Остромир! Прорвемся!

Грузовик свернул на боковую улицу, более узкую, но не менее яркую – здесь стены домов были выкрашены в апельсиновый цвет. Улица так и называлась «Апельсиновая».

Похоже, у городского архитектора, если такой тут работал, фантазия была еще та. Впрочем, скорее всего никаких архитекторов в Черткове и вовсе не имелось. Собрал управляющий (или как тут называют самого главного начальника?) свою команду и сказал: «Господа офицеры, приказываю обеспечить покраску домовых стен. Поскольку жизнь заключенных уныла и тосклива, покрасить в яркие цвета». Команда взяла под козырек, заказали краски, списали под статью «Благоустройство территории» и сказано – сделано! А то, что в результате получился дизайн придурка, так кого это волнует?…

Грузовик свернул еще несколько раз.

– Ну вот и объехали шебутню, – сказал Чинганчгук, глядя в боковое зеркало заднего вида.

На домах вновь замелькали триконки «Солнечный проспект». Номера быстро приближались к единице.

Откуда-то донеслись одиночные выстрелы. Чинганчгук добавил скорости.

– Что это, никак стреляют? – обеспокоился пассажир.

– В нас стрелять не станут, – уверенно сказал водитель. – Храпповый сок на Крестах – святое!

Выстрелы продолжались, но явно становились реже. И тише.

Потом «зубр» выскочил на мост, перекинувшийся через довольно широкую реку. Мост был деревянный.

– Это наша Данила, – сказал Чинганчгук.

– Данила? – удивился Осетр. – Река так называется? Это же мужское имя.

– Мужское, – согласился водитель. – Но по отношению к реке оно стало женским. Наверное, между тем, кто ее назвал, и теми, кто стал здесь жить, была большая разница.

Проехали еще немного, и стало видно, что Солнечный проспект упирается в большие деревянные ворота.

Чинганчгук остановил грузовик за два квартала до них.

– Дальше я тебя, парень, везти не могу. – Он развел в стороны свои лапищи. – Погуляй пока немного. А еще лучше посиди где-нибудь. Вон там, за углом, второй дом по правой стороне, кабак стоит. «Ристалище» называется, но между собой мы называем его «Дристалище». Хотя кухня у Макарыча вполне приличная… Макарыч – это хозяин заведения. Обожди меня там. Только постарайся ни с кем не связываться и ни во что не ввязываться. Народ у нас такой, ему палец в рот не клади. Так что затихарись там. А я быстренько обернусь. Груз перекачают, машину в гараже сменщику сдам и к тебе присоединюсь.

Стенка кабины со стороны Осетра дематериализовалась, образовав открытую дверцу, и кадет, подхватив комплект номер два, спрыгнул на дорогу.

– Денег-то шустряки тебе совсем не оставили?

Поскольку сказавший «а» должен говорить и «б», Осетр помотал головой.

– На-ка тогда! – Чинганчгук протянул трехрублевую купюру. – Закажи себе стакашок «кровушки», посиди. Я быстро, не более часа. Лады, парень?

– Лады, – коротко сказал Осетр.

– Вот и отлично! Люблю сговорчивых!

Стенка-дверца заросла, и грузовик тронулся.

А Осетр пошел за угол.

Глава девятая

Кабак оказался совсем не похожим на ристалище. Не было тут ни поединщиков, ни судей. И дам не было, сидели одни кавалеры. В основном, с баранками поверх воротников оранжевых курток. Но была и парочка мужиков со свободными шеями. Однако, судя по полулитровым кружкам, пили свободные шеи то же пиво, что и баранки. Над стойкой, уставленной батареями чистых стаканов и кружек и украшенной пивной башней с краном, висел большой ценник:

ПИВО ЖИГУЛЕВСКОЕ

1литр – 44 коп

Пол-литра – 22 коп

Дамам – скидка 50%

По-видимому, меньше чем по пол-литра здесь народ не заказывал, а дамы бывали нечасто…

Потом кое-что от ристалища все-таки обнаружилось. Биллиардный стол в дальнем углу. Правда, поединщиков не было и там – шары сиротливо валялись на зеленом сукне, а рядом, крест накрест, два кия… Зато висела в другом углу на манер иконы оформленная в рамку большая этикета с изображением огромной бутыли и надписью «Божья кровь», и сразу становилось ясно, какому именно богу молятся «прихожане» сего «храма».

Как себя тут вести, Осетр раздумывал недолго – пока сопровождаемый мрачным взглядом кабатчика, сорокалетнего бородатого мужичины немалых габаритов, шел к стойке. В кабаке надо вести себя соответствующим образом. Мысль банальная, но не становящаяся от своей банальности ложью.

– Добрый день!

– Кому и похмельное утро бывает добрым, а кому и веселый вечерок не мил, – отозвался кабатчик. – Чего желаете?

Физиономия у него менее мрачной не стала. Наверное, он сомневался в платежеспособности нового клиента…

Осетр сунул руку в задний карман штанов, где лежала мелочь, нащупал полтинник, выволок наружу и положил на стойку перед кабатчиком:

– Литрушечку жигулевского.

Так выражался капитан Дьяконов, когда на последнем курсе разъяснял кадетам, как должен проводить увольнение приличный «росомаха».

«Литрушечку жигулевского. А все что больше – уже в сопровождении алкофага… И вас никогда не застанут врасплох – ни жизнь, ни ресторанное хулиганье!»

Тут ресторанного хулиганья – было пруд пруди! Вон как зыркают!.. Публика тертая, сразу чувствуют чужого.

Увидев полтинник, кабатчик расцвел:

– Милости просим, молодой человек! Какая судьба забросила вас на Кресты?

– Попутный ветер из межрукавного пространства, – сказал Осетр.

– Понимаю… Вольный торговец? Или сексот министерства исправительных учреждений?

– Первое. А если бы и второе, то сказал бы первое. – Осетр подмигнул.

Ментальность полностью перестроилась, и вралось легко и просто.

– А почему вы так решили?

Кабатчик улыбнулся:

– Столь молодой парень госчиновником быть не может, к нам таких не присылают. Вновь прибывший зэк был бы с баранкой и в оранжевом. Остается… – Улыбка кабатчика стала еще шире. – Хотя… Сексот тоже скорее всего бы замаскировался под зэка. Заключенные все-таки народ защищенный…

– А вольные торговцы, значит, не защищены?

– Ну почему? Просто у зэка нечего брать, кроме его никчемной жизни, которую он оправдывает только добычей храппового сока или работой на благо местного общества.

«Интересно, – подумал Осетр, – с местными он такими же выражениями пользуется?»

Ответ он получил тут же.

В кабак ввалился какой-то тип в оранжевом с изрядно помятой физиономией и обширным фингалом под левым глазом.

– Макарыч! В долг не похмелишь? Трубы горят!

Кабатчик мгновенно превратился в другого человека – недоверчивого, злого, грубого…

– Плыви отсюда, крыса подзаборная! Ты еще за прошлый раз не рассчитался! Начнешь выступать, других должников свистну.

Помятый скривился, но выступать не стал. Двинулся между столами в надежде, что найдется среди сидящих за столами сердобольная душа и нальет ему пивка. Пока сердобольные отсутствовали, но помятый надежды не терял.

Макарыч проводил его взглядом и снова повернулся к Осетру:

– С такими надо построже. Дашь слабину, на шею сядут крепче баранки… – Лицо его разъяснилось. – О чем мы говорили?

– О защищенности.

– Ага… Вот что я вам скажу… Вольные торговцы тоже люди защищенные, но за это, как вы понимаете, молодой человек, приходится платить. Такие у нас порядки… А чем, кстати, торгуете, если не секрет?

– Грёзогенераторами.

– О! Товар, несомненно, ходовой! Но на здешний рынок, друг мой, так просто не проникнешь. Сожрут и не подавятся. Весьма желательно, чтобы вас опекал кто-то из местных. Из тех, кто разбирается в обстановке.

Можно, конечно, было сказать, что кое-кто из местных знатоков к Осетру в опекуны уже набился, но с какой стати? Если к тебе косяком идут знания о здешних порядках, зачем ставить на их пути барьеры? Что бы ни содержала вводная информация, обретавшаяся в базе данных «мозгогруза», она наверняка уже не слишком соответствовала действительности. Ибо ничто в мире не меняется быстрее самой жизни. Так, по крайней мере, утверждал капитан Дьяконов…

– Это же, наверное, слишком дорого.

– Не дороже денег! Крыша – вещь весьма полезная.

– Крыша?

Макарыч забрал бороду в кулак:

– Крыша, крыша… Не знаете, что это такое?

Осетр помотал головой и подумал, что знание жаргона ускорило бы процесс общения с потенциальными информаторами. Вот только у них наверняка бы появились вопросы, откуда этот совершенно зеленый торгаш знает словечки, о которых в миру ведомо только работникам министерств исправительных учреждений да внутренних дел… Нет, скоро только кошки плодятся!

Словоохотливый Макарыч тут же разъяснил юнцу-торгашу, что такое крыша. А потом изумился:

– И как вас только сюда послали?

Ответы на такие вопросы легенда предусматривала.

– Меня никто сюда не посылал. Отец помог с первоначальным капиталом. Ну а дальше самому надо крутиться. Знакомые рассказывали, что здесь можно быстро разбогатеть. Вот я и… Раздобыл разрешение и прилетел.

– Понятно. Решил срубить деньжат по-быстрому. – Макарыч вдруг перешел на «ты». – Зелень хвойная!.. Хочешь хороший совет?.. Рви когти отсюда, пока тебя волки не задрали.

Осетр изобразил на физиономии смирение:

– Не могу уже. Завяз. Денег на обратный билет нет.

Ментальность окончательно изменилась, и кадет-«росомаха» уже превратился в испуганно-самоуверенного торгаша, который впервые столкнулся с жизнью, какая она есть на самом деле…

Возможно, Макарыч и хотел продолжить поучения юнца, но тут в кабак ввалилась компания из трех человек, и взгляд у кабатчика сразу сделался озабоченным. А Осетр получил возможность усесться за свободный столик в дальнем углу. Он хотел было расположиться спиной к залу, чтобы не ловить на себе сумрачные взгляды, но тут же понял, что это будет ошибкой – в таких местах спиной ни к кому не садятся. Никто, даже зелень хвойная…

Компания новых гостей Макарыча выглядела весьма примечательно. В первую очередь привлекал к себе внимание едва ли не двухметрового роста толстопузый тип с широченными плечами и грушеобразной головой, украшенной гривой рыжих волос. На нем была вполне приличная куртка синего цвета и не было ошейника-баранки. Оказавшись перед стойкой, рыжий быстро осмотрел зал, на мгновение задержавшись взглядом на Осетре.

Второй гость выглядел рядом с рыжим едва ли не карликом, однако это было совершенно неверное впечатление, поскольку под оранжевой курткой определенно скрывались крепкие мышцы. Волосы у него были пшеничного цвета, коротко стриженные.

А вот третий оказался настоящим карликом. В нем было не больше метра шестидесяти, и голова у него была словно кегельный шар, а глаза будто щелочки. На нем тоже была оранжевая куртка зэка.

Баранок не было и у этих двоих.

– Здорово, Макарыч! – прорычал рыжий. – Как поживаешь? Мошны еще не лишился?

– Здравствуй и ты, Каблук, – отозвался кабатчик. – По делам пришел или трубы залить?

– Плесни-ка нам для начала по сто пятьдесят «божьей крови». А там будем посмотреть.

Макарыч быстро наполнил три стакана:

– На шебутне торчали?

– Конечно, торчали. Чтобы шебутня, да без нас случилась. Кто ж за порядком следить будет?

– Ну и как там прошло?

– А как всегда. Приказано бузу прекратить, иначе последуют оргвыводы.

– А чё забузили-то?

– Да и тут как всегда. Новый череп у Карабаса телку решил отобрать, – прорычал Каблук. – Запиши за мной… Кредит еще не скончался?

– Как можно, Каблук! Ты в долгу никогда подолгу не торчал… Садитесь за столик. Сейчас принесу выпивку. На зуб что-нибудь пожелаете?

– Будем, как обычно!

Троица утвердилась за свободным столиком, оказавшись рядом с Осетром, а Макарыч сунул голову в окно кухни. Видимо, давал указания повару или поварихе.

«Интересно, – подумал Осетр, отхлебывая пиво, – почему он сам стоит за стойкой, а не держит бармена?»

Впрочем, это был не тот вопрос, который должен интересовать кадета-«росомаху», угодившего в работу, как кур в ощип. И потому Осетр снова задумался, в какой ощип он угодил: то ли это случайное задание, то ли и в самом деле началась ли самая что ни на есть «суворовская купель».

Вообще-то, среди многочисленных баек, ходивших среди кадетов о методах «суворовских купелей», не было ни одной, где бы испытание происходило на тюремной планете. Но ведь это еще ни о чем не говорит. Всем бывшим кадетам строго-настрого запрещено говорить правду о «купели». Иначе погонят из

«росомах» в шею! А с тех, кто не прошел испытание и в итоге отправился на гражданку, берут подписку о неразглашении. И все правильно! Иначе какое же это будет испытание, если экзаменуемый будет заранее знать о содержании экзамена! И вообще… «росомаха» – воин без страха! И должен быть готов к любой неожиданности. Так говорит капитан Дьяконов…

А потому господа командиры запросто могут учинить своему кадету «суворовскую купель» на Угловке! Тем более что и легенда оказалась заранее заготовлена, и вся соответствующая инфа проработана – от географии до менталитета. А с другой стороны, когда нам читали методику планирования спецопераций, было ясно сказано, что у соответствующих служб давным-давно разработаны типовые легенды, и штабным ИскИнам надо только переложить их на конкретную операцию. Так что с этой стороны никакой пищи для окончательного вывода нет и не предвидится… К тому же, какая, в конце концов, разница – «суворовская купель» предстоит или надо просто выполнить задание? И там, и там командование ждет успеха от своего подчиненного. Вот из этого и будем исходить!..

– Эй, шкет!

Только тут Осетр сообразил, что рядом с его столиком кто-то стоит. Оторвал взгляд от кружки с пивом. На него смотрел пшеничноволосый.

– Ты кто такой будешь? Первый раз тебя тут вижу.

Осетр пожал плечами, не сообразив, что ответить, и сделал еще глоток. Пиво было хорошее. Интересно, в него тоже сок храппа добавляют?

– Антрекот проглотил? Чё тут ерзаешь? Пасешь кого?

В школе «росомах» за такой тон давали в морду. Но здесь была не школа, а Осетр был не «росомаха». Торговец же должен сдерживаться от резких телодвижений. И потому он легко сдержался.

– Никого я не пасу. Зашел вот пива выпить.

Осетр скосил глаза в сторону приятелей пшеничноволосого. Громила с интересом следил за развитием конфликта. Карлик флегматично цедил содержимое из стакана и смотрел в сторону кухни.

– Слышали, братаны? – продолжал пшеничноволосый. – Он зашел вот пива попить. И между прочим, никого не предупредил. А у нас в районе без предупреждения по гостям не ходят. Тебе это ясно, шкет?

Ясно Осетру было одно – его провоцируют. И от того, как он себя сейчас поведет, зависит, как к нему тут станут относиться. Это, правда, важно лишь в случае, если он задержится в Черткове… Но и ежу ясно, что задержаться тут придется, иначе с какой стати бы его сбросили именно в этом районе?..

– Я – торговец!

– Что ты тарахтишь! – Пшеничноволосый расхохотался. – А мне взбрело в тыкву, что ты – черепок! – Он повернулся к приятелям. – Слыхали, братаны? Он, оказывается, торговец. А торговцы, между прочим, здесь бесплатно пиво не пьют!

– Я уже заплатил.

– Это ты Макарычу заплатил. За пиво! А теперь гони папиры мне – за то, чтобы я тебе разрешил сидеть тут.

– У меня больше нет денег… – Осетр проследил, чтобы голос достаточно дрогнул. – Я еще не продал товар.

– А мне-то что за печаль? – Пшеничноволосый положил Осетру руку на плечо, и этот жест уже требовал более выразительной реакции. – Не продал товар – не ходи по кабакам.

– Эй, Наваха! – рыкнул из-за своего стола Каблук. – Оставь-ка шкета! Он с тобой расплатится. Позднее. Мы за этим проследим.

Пшеничноволосый Наваха удивленно оглянулся на гиганта, помедлил секунду – было почти слышно, как скрипят его мозги (наверное, он впервые был

остановлен в предвкушении развлечения), – но отошел.

Осетр облегченно вздохнул, решив, что шумный вздох станет лучшей линией поведения. Якобы торговец изрядно потравил вакуум. Вернее, спраздновал труса… Или как у них тут выражаются?

Кабатчик приволок трем приятелям блюдо с тарелками. На тарелках явно было что-то мясное. Карлик и Наваха принялись уничтожать содержимое тарелок, а гигант продолжал с интересом смотреть на перепуганного незнакомца. Потом вдруг взял свой стакан, поднялся из-за стола и пересел к Осетру.

– Значит, говоришь, торговец? – Рык его стал настолько добродушным, что перестал быть рыком. – А чем торгуешь?

– Грёзогенераторами.

– О-о! – Каблук покачал головой, и движение это выглядело стопроцентно уважительным. – Добрая торговля. Мечтальники тут пользуются немалым спросом. Кто надоумил?

Осетр хотел было повторить ему историю, которую рассказывал водителю грузовика. Но решил, что рассказывать легенду каждому встречному – будет уже перебор.

– Знающий человек.

– При такой торговле обязательно нужна крыша! – Каблук снова уважительно покачал головой. – Либо идешь ко мне под защиту, либо переломаем тебе все кости… Вон сидит Кучерявый, – громила кивнул в сторону лысого карлика, который теперь меланхолично жевал бутерброд с куском мяса, – ему человека замочить, как два пальца обоссать. Но мочить мы тебя не будем. Просто инвалидом сделаем

Физиономия у Каблука была совершенно доброжелательной, и со стороны могло показаться, что беседуют два добрых другана. Впрочем, нет, только один добрый друган, потому что у Осетра лицо сейчас выражало крайнюю степень страха.

– Я, – сказал он растерянно. – Я… Я…

– Не говори сейчас ничего, – продолжал Каблук. – Просто подумай. Девушка у тебя есть там, откуда ты прилетел?

– Йе… Есть, – соврал Осетр.

– Так вот ей придется искать себе другого. Мы и кости тебе ломать не станем. Кучерявый тебя так подрежет, что детей твоя девушка от тебя никогда не поимеет. – Громила встал из-за стола. – Макарыч! Подай парню еще кружку пива. За мой счет! Ему крепко подумать надо. А всухую мозги плохо ворочаются. – Он еще раз глянул на Осетра и фыркнул. – По себе знаю!

Каблук отправился к приятелям. Откуда-то появилась официантка, рыжая девица в белой блузке и черной юбке, принесла Осетру кружку с пивом, состроила ему глазки. Осетр ответил ей непонимающим взглядом. И принялся изображать процесс усиленного ворочанья мозгами.

Глава десятая

Когда в «Ристалище» заявился Чинганчгук, Осетр уже устал изображать этот процесс. Третья кружка пива все не кончалась и не кончалась – он только мочил в пиве губы, поскольку принять алкофаг не было никакой возможности. Ну не лазить же внутрь комплекта номер два при всей этой шатии-братии!

Водитель «зубра» явно был тут завсегдатаем, поскольку с ним поздоровались все присутствующие, начиная от кабатчика Макарыча и кончая тем пьяницей, что побирался по столам.

Но для Осетра самым примечательным стало то, что не отмолчалась и компания Каблука. Более того, громила приветствовал нового посетителя с определенной симпатией.

– Здорово, братан Чинганчгук! – прорычал он добродушно. – С вахты, небось, привалил?

Водитель, держа в руках черный пакет, кивнул и осмотрел зал. Взгляд его наткнулся на Осетра, и кадету показалось, что в глазах Чинганчгука промелькнуло недоумение: как будто тот и не ожидал, что новый знакомец дождется своего транспортного спасителя.

Между тем Чинганчгук подошел к стойке.

– Здравствуй, Макарыч! – сказал он. – Сто пятьдесят «Божьей крови»! И все остальное! Короче, как всегда…

Макарыч снял с подноса чистый стакан и взялся за бутылку. Чинганчгук прошел туда, где расположился Осетр, и угнездился на свободном стуле. Брякнул на стол свой пакет.

– Дождался, парень? Вот и молодца!

Осетр несмело улыбнулся:

– Так ведь договорились же…

– Значит, остановишься пока у меня. – Чинганчгук кивнул на пакет. – Я уже и жрачки купил на двоих. – Он обернулся в сторону стойки. – Макарыч, старый хрен! Скоро?

– Этот шкет твой знакомый, что ли? – спросил Наваха, в свою очередь оборачиваясь к водителю.

– Ну, – согласился тот.

– С каких это пор у честного водилы в знакомцах торгаши?

– С сегодняшнего дня. Это сын одного моего старинного приятеля, которому я когда-то пообещал, что присмотрю за мальцом.

– Ясно. – Наваха потер мочку уха и подмигнул Осетру. – Не держи зла шкет. Мы по незнанке.

Осетр кивнул, не зная, что ответить. Похоже, этот Чинганчгук – авторитетный мужик, коли с ним не хотят ссориться откровенные бандиты. Что ж, значит, повезло… Ну и слава богу! В воинском деле везение порой жизни стоит. С другой стороны, капитан Дьяконов говорит «С авося не спросишь!»

Между тем Макарыч принес небольшой стакан храпповки и блюдце, на котором красовался одинокий ломоть какого-то оранжевого фрукта, посыпанного не то сахаром, не то солью. Ломоть был размером с оладью, какие подавали иногда кадетам в школьной столовой.

Похоже, Чинганчгук был сладкоежкой. Кому еще придет в голову сластить фрукты? Если, конечно, фрукт не представляет из себя местную разновидность лимона…

– Не пьянства ради, а продления жизни для! – Чинганчгук взял в руку стаканчик, отправил его содержимое в рот и принялся обсасывать ломтик.

– Свежепосоленный брут для храповки – лучшая закусь! – сказал он, когда от фрукта осталась одна кожица.

Все это было проделано с таким смаком, что на Осетра вдруг обрушилось зверское чувство голода.

– А я думал, это сахар, – сказал Осетр.

– Брут, можно, конечно, и с сахаром трескать, но я предпочитаю соль. Тогда вкус становится совсем пикантным.

Нет, этот дядька определенно был осужден не за бандитизм.

– А что, Каблук, – Чинганчгук повернулся в сторону громилы, – на Солнечном был сегодня?

– А то, – с важным видом сказал Каблук. – Шебутня – святое дело. Чтобы черепам жизнь медом не казалась.

– Чего на сей раз бузу устроили?

– Да как и всегда. Новый черепок, что месяц назад к нам поставлен, попытался у дядюшки Карабаса телку отобрать. Ну вот и пошумели.

– А палили по кому?

– Мы раньше оттуда умотали. Думаю, это в воздух, из карабинов, для устрашения. Во всякой шебутне находятся братаны, не желающие расходиться, когда с черепом договоренность достигнута. Придуркам начинает казаться, что они теперь могут повлиять на черепов в решении любых вопросов. Вот таких и разгоняют выстрелами.

– Если бы хотели кого убить, – встрял Наваха, – вместо огнестрелов плазменники использовали.

Он был прав. Огнестрельное оружие только для разгона толпы и применяется, чтобы пошумнее было. Очень штатским на нервы действует. А когда серьезные дела начинаются, лучший друг солдата – плазменник. Как в старых сказках говорится?.. Махнешь горячей струей в одну сторону – улица, махнешь в другую – переулочек… Если, конечно, на энергопоглотитель не нарвешься… Ну да тут как судьба решит. Судьба и подготовка…

– И чем закончилось?

– А тем же, что и с предыдущим черепком. Как говорится, прошли очень короткие, но весьма интенсивные переговоры. И понял начальничек, что бесперебойная добыча храппового сока важнее, чем нарушение закона о свободе бабского счастья. – Каблук хмыкнул. – Ничему их жизнь не учит. Поспрашивал бы предшественника, как себя вести. У самих-то и срок службы потому ограничен, что без бабы и черепу не жизнь. – Он повернулся к Осетру. – Как думаешь, шкет?

– Не знаю, – сказал Осетр. – Я торговец-одиночка, в начальниках не ходил. Но наверное, всяк считает, что уж он-то окажется лучше предшественника.

– Вот и я говорю, самолюбие у черепов сильнее черной дыры.

А этот дядька, похоже, до попадания на планету-тюрьму был связан с космосом. Нет, в самом деле, не все они тут безмозглые. Убийцами становятся не только нищета и беспризорники, бывает, что и люди с утонченным воспитанием ступают на скользкую дорожку, которая заканчивается мокрым делом. А дальше, если оставил достаточные улики, – суд и пожизненное заключение.

– Ладно, – сказал Чинганчгук. – Давай-ка ближе к дому двигаться. Жрать хочется невмоготу. Да и ты проголодался небось.

У Осетра тоже уже кишка за кишкой гонялась. Однако голод голодом, а «росомаха» есть «росомаха». Впрочем, не надо быть «росомахой», чтобы заметить, что водитель перешел вдруг на «ты». Хотя, если он называет Осетра сыном своего приятеля, иначе и быть не может. Но сей молодой человек вполне может к папашиному другу и на «вы» обращаться. Особенно, если он получил приличное воспитание. Как по легенде и придумано…

– Макарычу жрачки закажи, – посоветовал Каблук. – У него сегодня отбивные – ништяк!

Было видно, как Чинганчгук сглотнул слюну:

– Нет уж, на сегодня открыт режим строгой экономии. А кредита у меня тут не имеется.

– Ясно! – Каблук подмигнул. – Тогда удачно тебе поэкономить.

– Идем! – Чинганчгук встал из-за стола, подошел к стойке и рассчитался. Осетр подхватил с полу комплект номер два и пристроился к нему в кильватер.

Двинулись к выходу. Возле двери Осетр почувствовал спиной чей-то тяжелый взгляд. Обернулся.

Нет, смотрел на него не Каблук. И не Наваха. Тяжелый взгляд принадлежал лысому карлику по кличке… с погонялом Кучерявый. Однако смотрел тот похоже не на самого Осетра, а на комплект номер два.

Глава одиннадцатая

– Это амбал, похоже, до осуждения в космосе работал.

– Какой амбал? – не понял Чинганчгук. – Нам сюда. – Он свернул за очередной угол.

– Главный из той троицы в кабаке. По имени… с погонялом Каблук.

Чинганчгук остановился и с интересом глянул на Осетра:

– Почему ты так решил?

– Ну… Он же про черные дыры знает.

Чинганчгук вдруг захохотал во всю пасть, так, что немногочисленные прохожие на улице с романтическим названием «Лазурная» принялись оглядываться.

Осетр не понимал, что так рассмешило «папашиного друга». Наконец, отсмеявшись, водитель сказал:

– Про черные дыры тут самая распоследняя шестерка знает. Потому что черными дырами у нас называют не какие-то там космические объекты, а всего-навсего то, что у бабы между ног.

И зашагал дальше, оставив Осетра осознавать добытую информацию. А когда Осетр его догнал, принялся рассказывать:

– На Крестах держат исключительно осужденных мужиков. Дамского полу тут острая нехватка. Прилетают подзаработать, исключительно по своей воле и на свой страх и риск. Браки на планете-тюрьме запрещены законом. Чтобы не было лишних проблем. Поэтому бабы все вольные, работают исключительно в публичных домах и как бы общедоступны. Хотя большинство паханов, конечно, заводят себе постоянную симпатию. Никто из мертвяков им, разумеется, перечить не решается. Свое здоровье дороже…

– Из мертвяков?

– Так у нас зовут заключенных. Тут же в основном те, кто приговорен либо к высшей мере, либо к пожизненному заключению. Убийцы, насильники, маньяки…

«Интересно, а ты кто? – подумал Осетр. – Насильник с университетским дипломом? Впрочем, скорее ты маньяк, знакомящийся с молодыми парнями, завлекающий их к себе домой и зверски убивающий бедолаг».

Как ни странно, эта мысль не родила в нем ни малейшего страха. Хотя по легенде должна была. И тогда Осетр изобразил это чувство, испуганно глянув на водителя и спросив:

– Скажите, а почему вы так добры ко мне? К чужому человеку, да еще не мертвяку?

На физиономии Чинганчгука родилась усмешка.

– Приглянулся ты мне. – Он глянул на Осетра и понял опасения парня. – Не боись, я тебя не трону. Я не убийца и не насильник. То есть убийца, конечно, но не в том смысле… Ты, наверное, и не слышал про Петров Кряж. Это планета в Пятом Западном секторе. Я там служил. В одном из гарнизонов планетарной артиллерии. И так получилось, что не выполнил приказ, из-за чего погибло много наших людей. Меня осудили на пожизненное заключение. И я оказался на Крестах. Так что Матвей Спицын – убийца, но тебе не стоит его опасаться. – Он остановился, полез в карман, достал пачку сигарет, закурил и напомнил: – Матвей Спицын – так меня звали раньше. Матвей Степанович…

Осетр кивнул и вздохнул с притворным облегчением. Чинганчгук протянул ему пачку сигарет:

– Закуривай.

– Спасибо, не курю.

– Ну и правильно делаешь. Дольше проживешь. Хотя здесь это не важно…

Осетр глянул на водителя недоуменно, но тот не стал развивать мысль.

И они двинулись дальше.

Все дома на Лазурной были соответствующего названию цвета. И Осетр снова подивился вкусам местных архитекторов. Странная тяга к чистым одиночным цветам, смешанная палитра была бы интереснее. Верх тома, скажем, желтый, а низ голубой. Или светофор…

Через пару кварталов Чинганчгук сказал:

– А вот и мое жилье. Лазурная, дом тридцать три. Счастливое число…

Жилье Чинганчгука занимало половину симпатичного домика, изготовленного, как и все прочие здания, из дерева и покрашенного, естественно, голубой краской. Пока хозяин отпирал дверь, Осетр изучал незнакомый материал. Провел указательным пальцем по поверхности – она оказалась на удивление гладкой. Странно, деревья вроде бы шершавые… Конечно, на Новом Петербурге росли деревья, но строить из них дома никому бы и в голову не пришло. Зачем, если имеется синтепор – гораздо более дешевый и доступный строительный материал?

– Это доски, – сказал Чинганчгук, поворачивая какую-то штуковину, вставленную в отверстие на двери.

Видимо, такие на Крестах ключи… И Осетр подумал, что «мозгогруз» у «шайбы», наверное, не содержит и половины того, что может здесь потребоваться. Хорошо, он, Осетр, по легенде не местный житель! А если бы прикинулся местным?.. Впрочем, надо думать, тогда бы и «мозгогруз» подготовили более содержательный… Да и не было бы этого пожара – сорвать летящего в отпуск кадета с рейса и десантировать на незнакомую планету. В роли спасателя…

А вот тут бы капитан Дьяконов сказал: «Назвался „росомахой“ – на житуху не жужжи!» И был бы прав! «Росомахи не подстраиваются под обстоятельства, „росомахи“ подстраивают обстоятельства под себя.

– Заходи, Остромир, – сказал Чинганчгук, распахивая дверь.

И Осетр зашел.

Они оказались в небольшой, на удивление чистой прихожей. Вполне можно поверить, что хозяин бывший военный, им тягу к чистоте и порядку вместо с уставами прививают.

– Сумку можешь убрать в шкаф.

Осетр послушно положил комплект номер два в шкаф, расположившийся в углу прихожей. В шкафу висел одинокий плащ и больше ничего не наблюдалось.

– Идем, покажу мое жилище.

Жилище было как жилище. Кухня и комната. На кухне – набор кухонной мебели и утвари. Плюс холодильник. В комнате – диван, стол, шкаф, кресло и пара стульев. Все из дерева. Кроме холодильника, разумеется.

Когда Чинганчгук демонстрировал гостю обстановку, в голосе его определенно звучала гордость.

«Интересно, – подумал Осетр, – а спать мы будем в одной кровати? Он что, все-таки голубой?»

Он выразил свои сомнения вслух. Не упомянув про голубизну, разумеется.

– Спать будешь в кресле.

– Как это?

– А вот так! – И Чинганчгук за несколько секунд превратил кресло в некое подобие постели.

– Ничего себе! – Осетр никогда бы не удивился трансформируемой мебели, если бы тут она не была деревянная.

– Говорят, именно так жили наши предки, – сказал Чинганчгук.

– А я думал, наши предки в такой ситуации жили не в своих домах, а в казармах. И их держали взаперти. Заборы были вокруг, из проволоки.

Чинганчгук кивнул:

– Да, я, когда меня сюда везли, тоже думал, что за колючкой жить буду. И поначалу тоже всему тут удивлялся. Но мне быстро объяснили, что главная наша задача – добыча храппового сока, и те, кто ее хорошо выполняет, живут как люди, а не как заключенные. Ну почти как люди… А забором тут у нас пустота работает. Почище колючки будет. Впрочем, есть ведь и карцеры, где держат тех, кто нарушает правила… Ладно, обо всем этом еще будет время поговорить. Присаживайся. Я пойду на кухню, полуфабрикаты куплены, надо только разогреть. Развлечь, к сожалению, тебя нечем. Видеосети на Крестах не существует. Развлечения у нас тут все старинные – или бабенку трахнуть, или рыло кому-нибудь начистить.

Он исчез с пакетом на кухне, а Осетр присел на стул. Взгляд его зацепился за лежащий на столе говорильник.

Интересно, видеосети тут не существует, а вот эти штуки – в полный рост. А ведь говорильник – гораздо большая угроза безопасности, чем пассивный видеопласт. Согласовать действия преступникам по говорильнику – раз плюнуть. А видеосеть… Впрочем, что это я? Здесь мобильная связь наверняка на постоянной прослушке. Планета-тюрьма отличается от обычных миров тем, что на ней не действуют гражданские законы. Тут проблемы людских отношений решает не выборный суд, а тот, кто поставлен властями. Ибо тут живут люди, лишенные гражданских прав. Вернее, сами себя прав лишившие… Кстати, интересно, а какое конкретно преступление совершил наш хозяин? Что за приказ он не выполнил? Не открыл огонь по противнику?.. Спрашивать-то не очень удобно, а знать бы хотелось. Все-таки на нормальных мирах в этом отношении проще – вышел в Сеть, сформулировал запрос, и тут же тебе ответ: иван иваныч иванов осужден таким-то судом такой-то планеты по статье такой-то Уголовного кодекса Росской Империи. Если, конечно, его дело, в интересах имперской безопасности, не засекречено…

Впрочем, понятное дело, мертвякам все это ни к чему. Никто из них отсюда не вернется, а потому и новости о том, что происходит в мире им знать вовсе не обязательно. Именно так рассуждают местные власти. Ваше дело – добыча храппового сока, а для этого вовсе не надо знать, за кого вышла замуж бывшая

камеристка княгини Варвары Лопухиной. И фильмы им смотреть незачем, а то станут скучать по прошлой жизни, и захочется мертвякам многого, чего им не положено – ни по социальному, ни по географическому положению. Книги у этого бывшего вояки, надо думать, тоже нет. Да, собственно, раз нет Сети, то как загружать в книгу тексты?

Однако книга все-таки нашлась. Она лежала на странной решетчатой (деревянной, разумеется) конструкции, расположившейся в углу комнаты.

Осетр не удержался, подошел, открыл крышку. Книга тут же засветилась. На титуле было написано «Василий Ян. „Александр Македонский“». Осетр коснулся сенсорклавы, просмотрел список.

Ишь ты! И «Когда впереди война» Сергея Аксюты есть, и «Война и мир» Льва Толстого, и даже последний писк сезона «Наш враг – Великий Мерканский Орден» Кирилла Голобородько! Интересно, где он тексты берет?

– Осваиваешься, Остромир?

Осетр положил книгу на решетчатую конструкцию и обернулся.

Чинганчгук принес стопку посуды и принялся накрывать на стол.

– Читаешь книги-то?

– Читаю.

– Ну и правильно. Книги, брат ты мой, дурному не научат. – Чинганчгук поставил на стол две тарелки. – Сам я обычно принимаю пищу на кухне, но сегодня будем обедать здесь. Не часто у меня гости бывают…

– А где вы тексты для книги берете?

– Намекаешь, что сеть на планете отсутствует?.. – Хозяин положил возле тарелок ножи и вилки. – Есть в Черткове лавчонка, где торгуют текстовыми модулями. Читателей здесь, конечно, не полгорода, но имеются. Во всяком случае, торговец не прогорает. Так что все мировые новинки у нас есть. Не в

день презентации, конечно, получаем, но через некоторое время появляются.

«Мда-а, – подумал Осетр. – И кабаки тут имеются, и публичные дома, и книжные лавки. Определенно, человек везде устраивается, даже если этот человек – убийца и насильник, а живет он на планете-тюрьме без перспективы хоть когда-то покинуть ее».

– Этажерку я, кстати, своими руками сделал.

– Эту… что? – переспросил Осетр.

– Сей предмет мебели, – хозяин кивнул на решетчатую конструкцию, где лежала книга, – называется этажеркой. На самом деле изготовить ее не так уж и сложно. Это не труднее, чем торговать. За время пожизненного заключения можно многому научиться… Садись-ка за стол!

Долго просить Осетра не пришлось. Хозяин снова сходил на кухню и вернулся со сковородкой, полной жареного мяса, окруженного горой какого-то местного тушеного овоща.

– Полагаю, все прививки тебе были сделаны?

– Разумеется.

– Значит, наша пища тебе не повредит… Впрочем, ты же пиво уже пил. И без последствий. – Чинганчгук подмигнул. – Храпповка-то вообще одну пользу приносит. Так что наше начальство не в накладе. Пожизненные рабы, у которых очень долгая жизнь, вырабатывают намного больше, чем на них тратится.

Он разложил содержимое сковородки на две тарелки, и через мгновение Осетр уписывал свою порцию за обе щеки.

– Отец у тебя жив? – спросил Чинганчгук, принимаясь за собственную порцию.

«Нет», – чуть было не брякнул расслабившийся Осетр, но набитый рот помешал. А потом и мозги сработали. Он прожевал, проглотил и сказал:

– Да, конечно. А то где бы я начальный капитал взял на собственный бизнес. Банки кредитами сирот не жалуют.

И попенял себе. Нельзя расслабляться. Капитан Дьяконов сто раз говорил, что жить жизнью легенды стократно сложнее, чем собственной. Вот так, на деле, и выясняется, что это – стопроцентная правда.

– А занимается чем?

– Торгует. Правда, в нормальных… в обычных мирах.

– И как же это он тебя на Кресты отпустил?

Осетр хитро улыбнулся:

– А я его и не спрашивал. Он мне дал карт-бланш на первый в жизни бизнес. Говорит, за опыт надо платить.

Чинганчгук покивал:

– Думаю, он прав. За опыт действительно надо платить. Потому что за отсутствие его иногда приходится платить вдесятеро дороже. – Он помолчал, глядя в пространство.

Похоже, у него была нечистая совесть. Впрочем, у кого из преступников она чиста?..

– Ты, должно быть, голову ломаешь, – продолжал Чинганчгук, мрачнея. – Какого черта этот тип пристал ко мне? Чего ему надо?

Осетр пожал плечами, продолжая уписывать жаркое.

– У меня сын погиб. Там, на Петровом Кряже. Сейчас ему было бы столько, сколько тебе. Ты здорово на него похож, Остромир. То есть на такого, каким бы он стал сейчас… То есть как я его себе представляю… Ну ты меня понял.

Осетр понял. И у него впервые с того момента, как он покинул борт «Дорадо», полегчало на сердце. Все-таки везде есть более или менее нормальные люди. И в тюряге обитают не одни убийцы и насильники!..

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прогерия – болезнь, при которой организм стремительно стареет.

2

АГД – антигравитационный двигатель.

Купить: https://tellnovel.com/romanov_nikolay/gvardeec

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити